Б. ФОГАРАШИ
доктор экономических наук

НЕПРОЧНОСТЬ ТЫЛА ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

ГОСИЗДАТ УзССР
ТАШКЕНТ — 1942

About the Author

EB_1942_AKS_849

ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Б. ФОГАРАШИ
доктор экономических наук

4к.р
5944

НЕПРОЧНОСТЬ ТЫЛА ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УзССР
ТАШКЕНТ — 1942

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
I. Германский тыл перед поражением в первой мировой войне 1914 — 1918 гг. 4
II. Внутреннее положение фашистской Германии в 1933—1939 гг. 15
III. Внутреннее положение Германии с 1939 г. до вероломного нападения Гитлера на Советский Союз 29
IV. Германский тыл после нападения Гитлера на Советский Союз. 31
V. Война и положение трудящихся масс 35
VI. Признаки внутреннего ослабления фашистской Германии. . 44
VII. Непрочность европейского тыла германского фашизма. . . 50

БИБЛИОТЕКА
Академия Наук
СССР

Редактор *Е. Кингисепп*

Подписано к печати 10/XII—1942 г. Р 10427. Печ. л. 4,0 по 37536 зн. Автор. л. 3,75. Тираж 5000 экз. Цена 1 р. 30 к.

Ташкентская типография № 1. 1943 г. Заказ № 1582.

ВВЕДЕНИЕ.

В современной войне тыл, иначе говоря, отношение населения к событиям на фронте, положение внутри страны, играет исключительно большую роль. Прочность тыла, т. е. поддержка войны народом, одобрение им целей войны, готовность к жертвам и доверие к правительству, — все это важнейшие предпосылки победы. С другой стороны, непрочность тыла, т. е. враждебное отношение широких народных масс к войне, их несогласие с целями войны, потеря ими доверия к руководству, — все это важнейшие факторы поражения.

В Великой Отечественной войне, которую Советский Союз ведет против немецко-фашистских захватчиков, роль тыла огромна.

Товарищ Сталин подчеркивает: „Момент внезапности и неожиданности, как резерв немецко-фашистских войск, израсходован полностью", и в связи с этим он говорит: „Теперь судьба войны будет решаться не таким привходящим моментом, как момент внезапности, а постоянно действующими факторами: прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии" [1].

Прочность тыла — это основной, постоянно действующий фактор, имеющий решающее значение для исхода войны.

В Советском Союзе тыл является неисчерпаемым источником силы для фронта, для Красной Армии. Немецко-фашистские захватчики рассчитывали на шаткость советского тыла, но жестоко просчитались. Советская система блестяще выдержала испытание перед лицом мировой истории.

Первоначальные неудачи, потеря территории не нарушили единства советского народа, как на то надеялись

---

[1] *Сталин,* О великой отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1942, стр. 37.

гитлеровцы; это единство не только не было ослаблено, напротив,— оно стало еще более тесным. „Нужно признать, что наша страна никогда еще не имела такого крепкого и организованного тыла“ (Сталин).

Эта прочность тыла Советского Союза, нерушимое единство фронта и тыла, неограниченное, полное доверие советского народа к своему вождю, товарищу Сталину,— залог окончательной победы над фашистскими захватчиками.

Как же обстоит дело с тылом германского фашизма?

Для ответа на этот вопрос чрезвычайно поучительно вспомнить о состоянии тыла Германии перед ее поражением в войне 1914—1918 гг.

I. ГЕРМАНСКИЙ ТЫЛ ПЕРЕД ПОРАЖЕНИЕМ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ 1914—1918 гг.

Образованная в 1871 г. Германская империя была, по словам Маркса, „не что иное, как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками, уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм“ [1]. Эта характеристика сохранила силу и для десятилетий, предшествовавших первой мировой войне, и для периода самой этой войны. Вот почему Ленин в 1913 г., накануне первой мировой войны, писал, что „прав был Маркс, который без малого 40 лет тому назад немецкий государственный порядок назвал „военным деспотизмом, обшитым парламентскими формами“ [2].

Правда, с 1871 г. влияние монополистического капитала на внешнюю и внутреннюю политику государства очень усилилось, но оно проявлялось в формах „военного деспотизма“, при котором юнкерство продолжало играть решающую роль в государственном управлении, в армии и в дипломатии. Неимущие классы были лишены права влиять в какой-либо мере на государственные дела. В Пруссии даже продолжала существовать трехстепенная избирательная система.

Очевидно, что подобный режим не мог рассчитывать на поддержку широких народных масс; вместе с тем вспыхнувшая мировая война поставила господствующие классы перед необходимостью обеспечить себе для ведения войны такую поддержку широчайших масс. Но эти

---

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 284.

[2] *Ленин*, Соч., т. XVII, стр. 100.

классы и слышать не хотели о каком-либо, даже малейшем, отказе от своих материальных и политических привилегий.

Внутренняя политическая программа германского империализма свелась к тому, чтобы усилить эксплоатацию и бесправие масс и одновременно склонить их к добровольному несению всех тягостей, всего бремени войны. Для достижения этой цели была организована с помощью социал-демократических лидеров широко развернутая кампания лжи. Германский народ был бессовестным образом обманут в отношении причин и целей войны; ему внушали, что Германия ведет оборонительную войну. Лозунг „защиты отечества" использовался для затушевывания империалистических целей буржуазии, для замазывания классовых противоречий. Империалистические властители Германии и их социал-демократические лакеи провозгласили „гражданский мир". Кайзер Вильгельм заявил: „Я не знаю больше партий, я знаю только немцев".

Германские империалисты обещали народу кратковременную войну и скорую победу. В одном обращении к солдатам Вильгельм объявил: „Вы вернетесь обратно, когда опадут листья с деревьев". Хотя слова „блицкриг" (молниеносная война) тогда еще в употреблении не было, но смысл этого заявления был тот же.

Итак, империалистическая верхушка пыталась путем чудовищного надувательства народных масс устранить внутренние политические затруднения. Развитие Германии в годы первой мировой войны дает истории ответ на вопрос — может или не может быть удачной такого рода попытка.

Каковы были экономические условия, при которых развертывались внутреннеполитические отношения в Германии в 1914—1918 гг.?

Четыре года войны повели к огромному истощению экономических ресурсов Германии, к беспримерному сокращению производства в промышленности и сельском хозяйстве. Индекс промышленной продукции упал с 1913 по 1918 г. со 100 до 57, сбор хлеба и картофеля сократился в 1917 г. против 1913 г. наполовину.

Блокада и падение сельскохозяйственного производства вызвали ужасающий продовольственный кризис. Уже с 1916 г. голод свирепствовал в стране. Главным продуктом питания стала брюква. Потребление мяса в 1918 г. в городах упало до одной десятой предвоенного нормального потребления, а потребление жиров даже до одной

пятнадцатой. Норма хлебной выдачи была снижена до 200 граммов в день; к тому же всякие примеси картофеля, кукурузы и пр. делали хлеб несъедобным. Германия была наводнена всевозможными неполноценными и непригодными суррогатами — „эрзацами". К недоеданию присоединились лишения из-за недостатка различных товаров широкого потребления, прежде всего одежды и обуви.

За 1914—1918 гг., даже по официальным данным, в тылу Германии погибло от голода и истощения около 900 тысяч человек. К этому надо прибавить рост смертности в результате эпидемических и других заболеваний. Состояние здоровья населения ухудшалось из года в год, из месяца в месяц.

Война привела к беспримерному абсолютному обнищанию пролетариата, трудящихся масс. Если исходить даже только из официальных данных о росте дороговизны, то приходится установить, что уровень реальной заработной платы рабочих снизился наполовину. По подсчетам буржуазного экономиста Бургдерфера, жизненный уровень населения за 1917—1918 г. снизился на 50—60% против довоенного уровня[1].

Война имела своим последствием также и быстро возраставшее относительное обнищание рабочего класса. Инфляция и дороговизна привели к обеднению пролетариата и средних слоев. Сумма имперских займов в 1913—1918 гг. возросла с 4,7 до 64,1 миллиарда марок. Весь государственный долг за тот же период увеличился с 5 до 105 миллиардов марок.

Дороговизна создала такое положение, что неимущая часть населения лишилась возможности приобретать товары: текстильные изделия выросли в цене в 8—10 раз по сравнению с довоенным уровнем. Сбережения средних слоев под действием инфляции, которая, правда, достигла высшей точки развития уже после войны, обесценивались. Пять миллионов мелких подписчиков на военные займы вместо своих денежных взносов и золота получили ничего не стоящие бумажки.

Крупные промышленники уже в то время помещали свои деньги в ценные бумаги, надеясь уберечь их от обесценения. Индекс курса акций с 1913 г. к концу августа 1918 г. поднялся на 50%. При этом говорилось о жертвах, которые должны нести все. А вместе с тем владельцы военных заводов и военные поставщики наживали

---

[1] „Finanz-Archiv", 1940, № 1.

сказочные деньги; дивиденды росли. Об этом рабочие узнавали из отчетов предприятий, публикуемых в газетах.

Часто прибыль обгоняла по своим размерам акционерный капитал. Чистая прибыль германских акционерных обществ, по их собственным признаниям, достигла за 1914—1918 гг. 10 миллиардов золотых марок, в действительности же гораздо большей суммы. Только Крупп в 1913—1914 гг. получил 75 миллионов марок прибыли, а в 1916—1917 гг. 175 миллионов. Это составляло 95% на его акционерный капитал.

Сильно наживались на войне также помещики и кулаки. Они ловко обходили правительственные постановления о твердых ценах и принудительной сдаче продуктов. Одновременно среднее и мелкое крестьянство должно было нести все тяготы войны.

В гуще народных масс под действием собственной нужды и при виде роскошной жизни верхних слоев общества и военных спекулянтов накапливались недовольство и озлобление. Среди недоедающих солдат росло возмущение против кутежей высшего офицерства и пресловутых „этапных свиней" (тыловых прохвостов). Неизбежным последствием этого положения было обострение классовых противоречий и усиление классовой борьбы.

Параллельно с материальными причинами, обусловливавшими это усиление, действовали и факторы политического характера в прямом смысле слова. Вместо обещанной Вильгельмом быстрой победы и завершения войны в 1914 г. получилась затяжная, убийственная, безвыходная война. Народные массы, которые постепенно освобождались от угара шовинистической пропаганды и начинали сознавать безнадежность положения Германии, все больше стали задумываться над вопросом окончания войны. Тот же вопрос встал и перед трезво мыслящими кругами буржуазии, потерявшей с половины 1917 г. веру в военную победу Германии и искавшей выхода,— разумеется, буржуазного, империалистического выхода,— из создавшегося положения.

Но проблема окончания войны стояла в тесной связи с целями войны. Господствующая верхушка, кайзер, монополистический капитал, аграрии, генералитет открыто требовали аннексий. В программе аннексий, выставленной 3 мая 1917 г. 26 крупнейшими предпринимательскими объединениями, союзом землевладельцев (ландбундом) и группой империалистически настроенных профессоров,

содержалось требование ничем неограниченной мировой гегемонии Германии. „Всегерманский союз" наметил схему будущей карты Европы и всего мира, которая послужила прообразом для сумасбродных планов Гитлера по завоеванию земного шара.

Аннексионистские планы империалистов и их курс на войну „до победного конца",— иначе говоря, курс на дальнейшее принесение миллионных человеческих жертв,— натолкнулись на сопротивление широких рабочих масс и, в дальнейшем, на сопротивление со стороны средних слоев Германии. Так разгорелась с конца 1916 г. в парламенте и среди буржуазии внутренняя борьба вокруг вопросов аннексий, окончания войны и методов ведения войны.

Внутри буржуазии образовались два лагеря: с одной стороны,— приверженцев аннексий и контрибуций, с другой,— так называемых сторонников „мира по взаимному соглашению", т. е. империалистического мира. Во главе последнего течения стоял Эрцбергер, политический деятель католического центра, понявший ранее других, что Германия потерпит поражение в войне, если она не добьется скорого мира. В середине 1917 г. в парламенте возник блок противников открытых аннексионистов, имевший парламентское большинство и состоявший из депутатов центра, социал-демократов и прогрессивной партии. Во внутренней политике новый блок требовал усиления роли парламента и образования ответственного перед ним правительства. При этом было совершенно ясно, что ни Эрцбергер, ни социал-демократы отнюдь не помышляли о свержении кайзера и монархии. Не сбросить они хотели императорскую власть, а спасти ее!

Центральный орган социал-демократии „Форвертс" 3 апреля 1917 г. писал: „Если монархия найдет в настоящее время умных советников, то она на некоторое время сумеет себя обеспечить и укрепить... Как только монархия выполнит желания народа, у республиканской агитации будет выбита почва из-под ног. И все говорит за то, что это так и будет".

Одновременно с парламентской дискуссией о целях войны стали зреть процессы, представлявшие для кайзеровской Германии более реальную опасность и в дальнейшем ходе событий действительно решившие ее судьбу. Это было медленное, но неизменное, годами протекавшее накопление недовольства и возмущения широких народных масс, особенно же пролетариата, против войны, конца которой не было видно. Рабочие массы поняли

(это подтверждали парламентские дебаты), что господствующие классы хотят вести войну „до победного конца", т. е. что они продолжают идти по пути авантюр. Рабочий класс понял, что территориальные захваты не решают войны, что властители Германии толкают народ на бесплодные кровавые жертвы, что они начали подводную войну, которая привела к вступлению в войну Соединенных Штатов Америки.

Одновременно с возникшим недовольством и возмущением против затяжной войны стало расти движение широких масс против политического режима в стране. Слабость буржуазных партий, бессилие рейхстага, политическая трусливость канцлера Бетман-Хольвега позволили генералитету, в лице Гинденбурга и Людендорфа, взять в свои руки всю полноту власти в стране. Гинденбург и Людендорф уже в 1916 г. установили генеральскую диктатуру в имперском масштабе. В германских землях и провинциях вся власть также перешла в руки командующих военными округами генералов. Начались гонения на революционных рабочих; они тысячами отправлялись на фронт и в штрафные батальоны, бросались в тюрьмы.

Тем не менее, диктатура генералов оказалась неспособной остановить растущее в стране движение масс против войны. Напротив, грубое, жестокое применение режима осадного положения усилило ненависть населения Германии к генералам и сильно ухудшило внутреннеполитическое положение в стране.

Мощный толчок к революционизированию масс в Германии был дан февральской буржуазно-демократической революцией 1917 г. в России. В ее развитии рабочий класс Германии стал черпать силы для своей борьбы. Свержение царизма в России активизировало в умах давно созревшую мысль, что мира для Германии можно добиться только путем свержения власти Гогенцоллернов, свержения старого, реакционного режима. Старый режим воплощался в лице императора и придворной камарильи, в диктатуре генералов, в прусской многостепенной избирательной системе и в псевдопарламентаризме Германии, во власти реакционной бюрократии и в тайной дипломатии.

Могучее воздействие Февральской революции в России на Германию сказалось в вспыхнувшей 16 апреля 1917 г. стачке берлинских металлистов, движущей силой которой была солидарность с русской революцией. Социал-демократическим, реформистским лидерам удалось на этот

раз замазать политическую сторону конфликта, придать стачке экономический характер и затем задушить ее. Но вскоре забастовали лейпцигские металлисты. Требования рабочих приняли недвусмысленно политический характер, который трудно было затушевать. Рабочие высказывались против аннексий, против осадного положения и цензуры; они требовали амнистии политическим заключенным, упразднения прусской избирательной системы и созыва совета рабочих депутатов.

В 1917 г. стачечное движение сильно разрослось как по своим масштабам, так и по продолжительности стачек. В 1915 и 1916 гг. всего имело место 377 стачек при 143 тысячах бастующих и 287 тысячах потерянных рабочих дней. Для 1917 г. цифры были следующие: 561 стачка, 667 тысяч участников и 1 900 тысяч потерянных рабочих дней.

Социал-демократы и руководство профсоюзов уверили буржуазию и военные власти, что стачки носят экономический характер; в действительности же стачечное движение приняло явно выраженную форму протеста рабочих против разбойничьей войны и военной диктатуры.

В конце января 1918 г. внутреннеполитическое положение Германии нашло яркое отражение в мощной массовой стачке рабочих военных предприятий в Берлине. Забастовало полмиллиона берлинских металлистов; к ним присоединились рабочие Лейпцига, Магдебурга, Галле и других крупных центров на Рейне и в Руре. Январские стачки были стачками протеста против Брестского мирного договора, против разбойничьих условий генеральского мира, навязанного германскими империалистами молодому рабоче-крестьянскому государству.

Стачка нашла могучий отклик во всей Германии. Военная диктатура оказалась не в силах подавить стачечное движение оружием. Социал-демократические лидеры вновь пришли на помощь Вильгельму и Людендорфу. Они стали во главе стачки с целью подавить ее в ближайшие дни.

Действие январской стачки было подобно извержению вулкана. Буржуазия и вооруженная государственная власть оказались бессильными в борьбе со стачкой. Почва под ногами господствующих классов поколебалась. Уже обнаружилось, что недовольство не только создало определенное настроение — оно стало выливаться в определенные действия. Стачка по самому своему характеру показала, что движение рабочих созрело для дальнейшего

развития на более высоком уровне. Более чем о любой другой стачке можно было сказать словами старого реакционера Путткаммера: „В каждой стачке нас подстерегает гидра революции".

На внутреннее развитие Германии в 1918 г. могучее влияние оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. Сказалось также „братание советских солдат с австро-германскими солдатами на фронте еще до брестского мира и, затем, влияние самого прекращения войны с Советской Россией и заключения мира с ней. Пример России, где народ добился прекращения ненавистной войны путем свержения своего империалистического правительства, не мог не послужить уроком для австро-германских рабочих. А германские солдаты, стоявшие на восточном фронте и переведенные потом, после брестского мира, на западный фронт, не могли не разложить там германскую армию своими рассказами о братании с советскими солдатами и о том, как советские солдаты избавились от войны. Что касается австрийской армии, то она стала разлагаться еще раньше в силу тех же причин"[1].

Через восемь месяцев после январской стачки судьба кайзеровской Германии была решена.

Какие внутренние факторы были при этом важнейшими?

Во-первых, общее экономическое истощение, обнищание населения, голод и лишения усилили в народе стремление к окончанию войны. Тут сказалось действие закона о переходе количества в качество: годами претерпеваемые лишения стали в конце концов невыносимыми для людей.

Во-вторых, ухудшение военного положения на фронтах, неудачный исход германского наступления весной и летом 1918 г., при котором Людендорф погубил сотни тысяч немецких солдат,—привели к моральному разложению армии. Растущее превосходство Антанты на западном фронте внушило немецким солдатам убеждение, что война Германией проиграна.

Начавшееся на фронте разложение передалось тылу. Немецкие империалисты уже после поражения кайзеровской Германии выдумали пресловутую легенду об „ударе кинжала", которую фашисты неизменно повторяют по сие время. Согласно этой легенде вся вина за то, что Германия сложила оружие, падает на ноябрьскую

---

[1] История В.К(П(б), Краткий курс, стр. 220.

революцию 1918 г. в Германии; фронт якобы мог держаться и дальше. В действительности не только тыл способствовал разложению армии, но и фронт в свою очередь влиял в том же направлении на тыл. На настроения немецких солдат на западном фронте огромное влияние имела Великая Октябрьская социалистическая революция и сведения, поступавшие о ней с восточного фронта.

Под влиянием сообщений и писем солдат с фронтов росло в тылу убеждение, что Германия проиграет войну. Солдаты писали о том, что американцы прекрасно вооружены, одеты и получают хорошее довольствие, в то время как германская армия испытывает недостаток в боеприпасах и не может ничего противопоставить танкам, а солдаты плохо обмундированы и голодают. Эти письма и устно передаваемые сведения не замедлили оказать свое действие.

Правители Германии утратили свой авторитет. Прежде всего это произошло с главным командованием, которое в течение четырех лет было окружено ореолом непогрешимости; оно кормило германский народ бесчисленными хвастливыми обещаниями „окончательной победы", но оказалось неспособным выполнить их. Всем стало ясно, что эти обещания покоились на лжи и надувательстве. Гинденбург оставался, правда, популярной в среде мелкой буржуазии фигурой, но песенка Людендорфа, подлинного руководителя армии, оказалась спета. В конце сентября он должен был покинуть свой пост.

Сам Вильгельм пользовался у буржуазии и в средних слоях в начале и в первые годы войны большим авторитетом,—больше в силу того, что он являлся как бы символом могущества Германии, чем благодаря своим личным качествам. С 1917 г. в нем стали, однако, видеть важнейшее препятствие к началу мирных переговоров между Германией и Антантой. Когда поэтому президент Соединенных Штатов Америки Вильсон в сентябре 1918 г. поставил условием для начала переговоров устранение кайзера, средние слои и крупная буржуазия не возражали особенно против этого. В сохранении власти Гогенцоллернов были заинтересованы, помимо военных и ярко выраженных феодальных кругов, главным образом социал-демократические вожди во главе с Эбертом, и когда, наконец, под давлением масс устранения Вильгельма потребовало и социал-димократическое партийное руководство, Эберт задумал спасти трон для сына Вильгельма, принца Эйтель-Фридриха.

Наконец, всякий авторитет утратили те канцлеры и правительства, которые сменялись в Германии во время войны. Канцлер Бетман-Хольвег, который не хотел следовать беспрекословно всем приказам военного командования и высказывал сомнения по вопросу о неограниченной подводной войне, получил в середине 1917 г., по настоянию Людендорфа и Гинденбурга, отставку. Его преемник, канцлер Михаэлис, бюрократ наихудшего типа, был лишь марионеткой в руках командования армией. Последовавший за ним граф Гертлинг, владевший искусством парламентско-дипломатической интриги, не имел за собою ни партии, ни какой-либо группы, и поэтому оказывался такой же бессодержательной фигурой, как и его предшественник. Равным образом и последнее кайзеровское правительство, возглавляемое принцем Максом Баденским, не могло снискать себе в стране ни авторитета, ни популярности, хотя на нем и был налет демократичности и пацифизма и хотя в состав этого правительства впервые в истории Германии вошло два социал-демократа в лице Шейдемана и Бауэра.

Макс Баденский был в родстве с Вильгельмом, что плохо рекомендовало главу демократического правительства, имевшего претензию открыть новую эру в политической жизни Германии. В действительности канцлер этот не был ни демократом, ни пацифистом, а просто приверженцем старого режима и политики аннексий. В качестве такового он сам разоблачил себя в одном из своих писем, попавшем благодаря оплошности адресата в руки одного швейцарского журналиста и затем опубликованном в Швейцарии.

Демократические и пацифистские жесты последнего кайзеровского правительства, оказавшегося у власти с 1 октября по 9 ноября 1918 г., не возымели никакого действия ни на рабочий класс, ни на солдатские массы. Как в области военной, так и внутренней политики правительство Макса Баденского повисло, так сказать, в безвоздушном пространстве.

Накануне крушения кайзеровской Германии расстановка классов и партий и их отношение к существующему режиму было следующее. Роль рабочего класса усиливалась с каждым днем; политические судьбы страны находились в его руках. Авторитет рабочего класса,— единственного, на который не легла вина за войну,— был большим и в армии, и во флоте. Солдаты и матросы, в частности находившиеся в тылу и в портовых городах,

в большей своей части были склонны откликнуться на призыв рабочих к революционным действиям. Во всяком случае они были не склонны подчиняться приказу стрелять в рабочих.

Рабочие массы стремились к революционному свержению кайзеровского режима, к взятию власти и к окончанию войны. Социал-демократическая партия Германии пыталась всеми способами сорвать стихийное революционное движение рабочих. Глава этой партии Эберт охарактеризовал впоследствии линию своей политики, которой он следовал до момента крушения старого режима и позднее, в следующей знаменитой фразе: „Я как грех ненавижу революцию". Еще 8 ноября 1918 г. руководство социал-демократической партии обратилось с воззванием к рабочим, предостерегая их от уличных выступлений. Равным образом и руководство независимой социал-демократической партии, щеголявшей в рейхстаге радикальными жестами, пыталось остановить революционные выступления берлинских металлистов. И даже те представители независимых социал-демократов, которые входили в руководство „революционных старшин" — организации берлинских металлистов — и дали согласие на революционные выступления, неделями оттягивали давно решенную и подготовленную вооруженную демонстрацию берлинских рабочих.

Кайзеровский режим перед лицом нарастающей стихийной революционной волны был совершенно бессилен. Предложение Вильгельма послать против берлинских рабочих войска, снятые с фронта, натолкнулось на возражения даже со стороны высшего командования. Командующий войсками берлинского гарнизона пришел к выводу, что солдаты не подчинятся приказу стрелять в рабочие демонстрации.

Крупная буржуазия Германии, кадившая фимиам гогенцоллернской династии и, в частности, Вильгельму в начале войны, не хотела и не могла спасти кайзера в момент гибели. Единственным ее помыслом было покинуть тонущий корабль кайзеровской Германии и спасти власть своего класса, что ей при содействии социал-демократических лидеров на самом деле и удалось.

Средние слои города и деревни, тянувшиеся в кайзеровской Германии в хвосте буржуазных партий, накануне ее крушения лишены были какого-либо руководства и ориентировки. Во всяком случае они не оказывали поддержки старому режиму и после его крушения не про-

ливали слез. Тот факт, что после ноябрьской революции 1918 г. в Баварии, Бадене, Вюртемберге и Силезии во многих местах возникли советы мелких и средних крестьян, свидетельствует о том, что в средних слоях деревни уже давно, в ходе войны, стало накопляться недовольство против старого режима. Глубочайшими причинами этого движения были — жажда получить землю, освободиться от остатков феодализма и невыносимых лишений, вызванных войной.

Последствием такого внутреннеполитического положения в Германии было то, что здание бессильной сопротивляться кайзеровской Германии рухнуло.

Революционные выступления масс начались в первых числах ноября 1918 г. восстанием кильских матросов. Эти выступления привели 9 ноября к свержению кайзера, к провозглашению республики, к победе буржуазной революции.

II. ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В 1933—1939 гг.

Гитлеру и его клике известны уроки первой мировой войны 1914—1918 гг. Они понимают роль тыла в современной войне. Именно поэтому еще задолго до начала второй мировой войны они прилагали огромные усилия, чтобы обеспечить себе прочный тыл, на который незыблемо могла бы во время войны опираться армия. И после вероломного нападения на Советский Союз они продолжали и продолжают делать отчаянные попытки создать себе надежный тыл, обеспечить с этой стороны осуществление своих захватнических авантюр.

Но для этого нужно, чтобы народ и в мирное время и во время войны поддерживал свое правительство, чтобы эта поддержка была не временной, а постоянной, чтобы она, кроме того, оказывалась не отдельными частями и группами населения, а огромным его большинством — широкими трудящимися массами.

Имеются ли для этого предпосылки в фашистской Германии?

С 1933 г. в Германии хозяйничает клика чуждых, враждебных народу авантюристов-преступников. Эта клика управляет Германией в своих корыстных целях, в интересах не немецкого народа, а кучки промышленных магнатов, банкиров и крупных помещиков. Перед народом фашисты, однако, скрывают свое подлинное лицо

Они лицемерно выступают в качестве его друзей. Они жульническим образом изображают свой режим, как режим „народной общности". Они пытаются отождествлять себя с германским государством и народом.

Товарищ Сталин в приказе к XXIV годовщине Красной Армии разоблачил этот обман гитлеровцев: „...Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается"[1].

Эти положения сталинского приказа исчерпывающе характеризуют отношения между Гитлером и германским народом. Правильность этих положений доказывает история периода фашистского господства; они вновь и вновь подтверждаются современной действительностью.

Почему надо говорить о гитлеровской клике, ничего общего не имеющей с германским народом?

Гитлеровская партия по своему социальному составу, по своей идеологии и по своим действиям является глубоко враждебной народу партией. Она возникла путем сколачивания всевозможных архиреакционных, аморальных и деклассированных элементов.

Сам Гитлер к окончанию мировой войны 1914—1918 гг. был бездельником и явно опустившимся субъектом. В качестве шпика рейхсвера он терся на рабочих собраниях. Реакция нуждалась в агитаторах с хорошо подвешенным языком, умеющих выступать, подделываясь под „людей из народа". Своим искусством дурачить людей Гитлер делал себе карьеру. Вокруг него стали собираться студенты, дослужившиеся за время войны до чина запасных офицеров и не пожелавшие после окончания войны вернуться к занятиям, к работе. Это были такие разложившиеся, одичалые субъекты, как „студент" Гесс или нынешний начальник гестапо палач Гиммлер.

В гитлеровской партии нашли себе приют и террористы из пресловутой организации „Консул" — убийцы республиканского деятеля Ратенау. Среди организаторов вооруженных террористических банд гитлеровской клики, в рядах „штурмовых отрядов" (СА) были: Рем, Геринг, офицеры пресловутой бригады Эрхардта, устроившей в 1920 г. контрреволюционный (капповский) путч против Германской республики, капитаны Киллингер и Гофман,

---

[1] *Сталин*, О великой отечественной войне Советского Союза, стр. 40.

а также лейтенант Клинтш, убийца известного политического деятеля Эрцбергера, и другие. Эти люди, заклятые враги рабочего класса и всего германского народа, сделали у Гитлера карьеру. Беззастенчивые карьеристы, вроде Геринга, моральные и физические уроды, дегенераты, вроде Геббельса, шпики, белогвардейское отребье типа Альфреда Розенберга — вот костяк гитлеровской партии! Подлинная клика авантюристов наихудшего пошиба, готовая на любую подлость, на любое преступление!

Начиная с 1927 г. социальный состав гитлеровской партии стал более пестрым. В нее вступило большое число капиталистов, среди них такие миллионеры, как Кирдорф и Тиссен, которые в Гитлере видели последнее средство спасения от социальной революции. Когда стало очевидным, что крупный капитал поддерживает Гитлера и в его партийную кассу потекли солидные суммы, в лагерь Гитлера стали переходить в большом числе государственные чиновники, которые учитывали возможность перескочить после прихода к власти Гитлера через несколько ступеней иерархической служебной лестницы.

Только рабочий класс не дал никого в гитлеровскую клику. Вышедшее в свет при фашистах первое издание германского справочника „вождей" содержит данные о 944 лицах руководящего состава нового режима, среди которых нельзя, однако, найти ни одного настоящего рабочего.

Гитлер и прочие фашистские выродки в глубине души презирают и ненавидят народ. Гитлер лично высказал свое презрение к народу; он называет его „косным и ленивым". Согласно взглядам Гитлера, только небольшое избранное меньшинство призвано стоять у власти, управлять народом. „Мировоззрение" Гитлера сводится к прославлению этой деспотии врагов народа.

В своей пошлой книжонке „Моя борьба" Гитлер пишет: „То мировоззрение, которое отвергает демократический принцип массы и ставит своей задачей отдать *власть над всем миром* в руки лучшей из наций, т. е. в руки самых лучших людей, логически должно применять *тот же аристократический принцип внутри самого данного народа*. А это значит, что новое мировоззрение все стоит не на принципе большинства, а на роли личности. Ведь организация общества должна представлять собой воплощенное стремление поставить личность над массой, т. е. подчинить массу личности".

EB_1942_AKS_849

В гитлеровской газете „Фелькишер Беобахтер“ в 1923 г. было помещено стихотворение, еще ярче отражающее подлинные чувства фашистов к народу:

Я ненавижу массу,
Мелкую, низкую,
Которая гнет спину,
Ест, спит и рожает детей;
Ненавижу массу покорную,
Которая сегодня верит в меня, а завтра
Выпустит из меня последнюю каплю крови.

В последних строках фашисты невольно выдают себя с головой, выбалтывают, что они питают недоверие даже к тем слоям населения, которые им удалось обмануть и перетянуть на свою сторону.

В тесном кругу своих приспешников Гитлер, придя к власти, часто заявлял, что только „слой господ“ (т. е. крупные капиталисты и гитлеровская банда) имеет право руководить, править и порабощать мир. Однако перед лицом общественности гитлеровская клика пытается замаскировать свои подлинные мысли и воззрения лицемерной болтовней о любви к народу, об единстве и величии германского народа, о „народной общности“ и т. д.

Гитлер крайне нуждался в более многочисленных приверженцах, в более широкой социальной базе; отсюда и его ухаживание за народом.

Нельзя отрицать, что Гитлеру и его прихвостням удалось обрести некоторые точки опоры среди населения Германии и получить временно более широкое влияние на известные его слои.

Почему Гитлеру удалось добиться такого влияния, собрать вокруг себя приверженцев?

Главная причина того, что к гитлеровской пропаганде стали прислушиваться широкие круги германского народа, стали верить его демагогии, коренилась в том, что свою агитацию до 1933 г. гитлеровцы заострили на ревизии Версальского договора. После прихода к власти они приступили к отмене на практике отдельных статей этого договора. Это укрепило на время позицию Гитлера в глазах германского народа.

Однако настоящей целью Гитлера являлась с самого начала не только ликвидация Версальского договора, а подготовка захватнических войн против народов Европы.

В своей агитации гитлеровцы замалчивали свои агрессивные, разбойничьи планы войны; они выдавали себя за приверженцев мира. Ими распространялась легенда, что

Гитлер якобы обладает властью для достижения решительно всего мирным путем. Многие немцы поверили этому. И даже тогда, когда гитлеровцы открыто стали на путь агрессивных войн, они продолжали прикидываться поборниками справделивого дела Германии, ставящими себе единственную цель отмены несправедливых пунктов Версальского договора.

В ходе войны народ начал постепенно понимать, что он обманут, что гитлеровцы, захватывая одну европейскую страну за другой, преследуют не национальные, а империалистические цели. Но до нарушения советско-германского договора и нападения Гитлера на Советский Союз все-таки еще распространено было мнение, что гитлеровцы выражают национальные интересы Германии.

Гитлеровцы пытались распространить и закрепить свое влияние в народе тем, что использовали все средства идеологического воздействия на массы. Словом и делом в Германии было дозволено распространять только фашистскую „идеологию", только „националистский" бред. Фашисты завладели школами, культурными учреждениями печатью и радио, чтобы использовать их против германского народа — для его духовного закабаления. Печать, радио, книги, театр, кино фашистской Германии — орудия принудительной обработки умов. В Германии непрерывный поток лжи вливается в сознание детей и взрослых,— рабочих, крестьян, интеллигентов. Создан гигантский бюрократический аппарат, позволяющий фашистам контролировать и следить за каждым устным или печатным словом, Фашисты хотят, чтобы духовная жизнь германского народа под командой гитлеровских заправил уподоблялась действию часового механизма.

Фашисты направили все усилия на то, чтобы этими средствами отучить народные массы самостоятельно мыслить. Собственное мышление было заменено слепой верой в „фюрера", верой в догмы сумасбродной фашистской „доктрины".

В одном из приказов бывшего главнокомандующего германской армией Браухича о „духовном воспитании армии", например, говорится, что легче управлять 500 миллионами неграмотных, чем 100 миллионами образованных и самостоятельно мыслящих людей.

Это многолетнее, систематически осуществляемое злоупотребление идеологической монополией не прошло бесследно. В Германии несомненно имеется, особенно среди мелкой буржуазии, множество людей, не принад-

лежащих к гитлеровской клике, интересы которых объективно противоположны этой клике, но которые тем не менее поверили в 1933—1942 гг. фашистским лозунгам. Представления и понятия этих людей до настоящего времени соответствуют фашистской идеологии; они утратили способность политически самостоятельно мыслить.

Но помимо этого сомнительного по длительности и прочности влияния гитлеровская партия нуждалась в послушных до конца тварях,— в вспомогательной армии господствующей фашистской клики, выполняющей ее задания. Дабы тесней связать известные группы с фашистским режимом, недостаточно было пичкать их людоедскими идеями расизма и жульническими посулами,— надо было их материально заинтересовать в гитлеровском режиме, т. е. *развратить подкупом*.

Фашисты возвели подкуп и взяточничество в универсальное орудие своего государства. Придя к власти, они вознаградили своих приверженцев местами в государственном аппарате, а новых последователей они привлекали, создавая новую, широко разветвленную, разбухшую до чудовищных размеров фашистскую бюрократию. Разрастание этой бюрократии происходило благодаря созданию таких принудительных организаций, как „трудовой фронт“, „сословие народного питания“, „гитлеровская молодежь“, „союз германских девушек“ и т. д. В эти организации втиснуто было фактически все население. Разбухание бюрократии происходило и за счет огромного увеличения штата шпиков, за счет создания многочисленных военно-хозяйственных ведомств. Гитлеровская клика укомплектовала аппарат управления, полиции, массовых организаций такими же прожженными авантюристами, как и она сама.

Гитлеровские молодчики набирались среди деклассированных элементов, патологических субъектов, хронических алкоголиков, садистов, людей с подозрительным, уголовным прошлым. Эти паразиты, живущие за счет государства, находятся, разумеется, в полной зависимости от гитлеровской клики. Фашистские главари могут на них рассчитывать!

Бюрократия и террористические организации — это главные орудия исполнительной власти фашистов. Террористические организации — так называемые „штурмовые отряды“ (СА) и „охранные отряды“ (СС) — наряду с бюрократическим аппаратом создают широкое поле деятельности для взяточничества.

С беспримерным цинизмом Гитлер лично поощряет ограбление народа. Он говорит: „Мои люди — не ангелы. *Да мне ангелы и не нужны вовсе.* Они ландскнехты! Значит, и жить они должны, как ландскнехты. Я не хочу, чтобы о них болтали. Мне нужны люди с крепкими кулаками, не задумывающиеся над принципами, когда они собираются укокошить кого-нибудь. И если они при случае сопрут часы или драгоценности, плевать мне на это".

В деревне фашисты обрели социальную опору среди кулачества, интересы которого они стали отстаивать в ущерб интересам среднего и бедного крестьянства. Для усиления кулацкой верхушки они вытащили на свет из-под спуда веков систему майората и ввели ее в виде так называемых „наследственных дворов". Таким образом было создано около 800 тысяч „наследственных дворов" — хозяйств, большинство которых являются кулацкими. Этой политикой „наследственных дворов" гитлеровская клика создала себе особый слой подкупленных приверженцев — кулаков; но одновременно в деревне усилилось недовольство среди широких масс сельского населения.

Фашисты добились комбинированными методами идеологического отравления умов и материального подкупа прочного влияния среди широких групп молодежи города и деревни. Юношество, опекаемое с детства фашистами, никогда не знавшее других идей, помимо людоедского расизма, и воспитанное в слепом поклонении „фюреру", превратилось в послушное орудие фашистов. Банды убийц и мародеров, совершающих в нынешней войне чудовищные злодеяния и зверства над детьми, женщинами, мирными жителями временно занятых советских районов, набирались преимущественно из этой выродившейся фашистской молодежи.

Гитлеровская клика пустила в ход все средства идеологического обмана, подкупа и разнузданного кровавого террора для того, чтобы создать себе прочный тыл

Спрашивается, удалось ли это гитлеровцам?

Методы, применявшиеся в области внутренней политики, достаточны для приобретения *временного*, но отнюдь не длительного, прочного влияния на политически малосознательные слои населения. Более того, преходящий успех фашистского надувательства и очковтирательства со временем становится для них источником потери доверия в массах. Факторы завоевания некоторых опорных позиций в стране превращаются в дальнейшем в факторы

расшатывания вообще всей социальной базы гитлеровцев. В самом деле, фашисты дурачили и дурачат народ всякими трескучими посулами. И хотя легковерные люди попадаются на удочку обещаний, но в конце концов эти обещания надо выполнять,— иначе они теряют свое воздействие, как это и получается у фашистов. В результате посулы фашистов становятся источником недовольства и разочарования.

Гитлеровцы отучили народ политически мыслить. Слепо подчиняющимися людьми-автоматами Гитлеру легче управлять, чем мыслящими людьми. Но когда дело идет о принятии решений перед лицом критической ситуации, о максимальной инициативе и сознательном самопожертвовании масс во имя большого дела,— фашистская система оболванивания людей и подавления в них инициативы начинает мстить за себя, обращает свое действие против самих фашистов.

Лишение народа его элементарных демократических прав отнимает у него возможность открытого высказывания мнений. Но это неизбежно ведет к усилению внутреннего недовольства. Практикуемая гитлеровской кликой система развращения пригодна для того, чтобы тесно связать с господствующим режимом некоторые подкупленные группы, но это вызывает справедливый гнев широких народных масс и в конце концов ведет к внутреннему ослаблению фашистского режима.

Внутренняя слабость гитлеровского режима в основном проистекает от того, что политика его служит интересам не народа, а германской плутократии. „Гитлер, Геббельс, Риббентроп, Гиммлер и другие правители нынешней Германии являются цепными собаками немецких банкиров, ставящими интересы последних превыше всех других интересов" (Сталин).

Если бы фашисты не на словах, а на деле улучшали положение трудящихся, их перспективы создания прочного тыла были бы другими. Но тогда фашизм перестал бы быть фашизмом, а гитлеровская партия была бы не тем, что она есть, а именно *партией „средневековой реакции и черносотенных погромов"* (Сталин), имеющей целью ограбление и закабаление как германского народа, так и народов всего мира. „Только обнаглевшие обманщики могут отрицать, что рабски-крепостнические порядки, устанавливаемые немецкими фашистами, выгодны немецким плутократам и банкирам, а не рабочим и крестьянам" (Сталин).

И именно потому, что в действительности это так и есть, именно потому господство гитлеровцев в Германии должно было привести и привело к ухудшению положения трудящихся масс. Положение пролетариата при фашистском режиме чрезвычайно ухудшилось. Заработная плата снизилась, продолжительность рабочего дня увеличилась с 8 до 12—16 часов. Все классовые организации рабочих — партии и профессиональные союзы, потребительская кооперация, культурные учреждения — ликвидированы, имущество их расхищено фашистами. Стачки запрещены.

На предприятиях введены невыносимые темпы в работе; интенсивность труда повышена до крайности. Предприниматели стали „вождями" предприятий, а рабочие получили наименование „свита". Рабочий низведен до степени бесправного пария. В годы перед второй мировой войной принудительный труд был широко распространен и практиковался в самых тяжелых формах.

Это коренное ухудшение условий труда имело своим последствием, что фашистам никогда не удавалось привлечь на свою сторону ядро германского пролетариата. В особенности для них оказалось невозможным найти сколько-нибудь значительное число приверженцев среди рабочих более зрелых возрастов, работавших еще до 1933 г. в производстве. Двенадцать миллионов промышленных рабочих, голосовавших на выборах до 1933 г. за коммунистов, социал-демократов и католическую партию центра, в большей своей части сохранили отрицательное отношение к фашистскому режиму.

Фашисты сумели приобрести приверженцев лишь среди некоторых групп рабочих. Это — отсталые рабочие, одурманенные фашистской фразеологией и подкупленные личными выгодами; это — юные рабочие, мозги которых отравлены в школе или в казармах „гитлеровской молодежи", юноши, незнакомые с идеями социализма и начиненные только ложью „национал-социализма"; это — чрезвычайно тонкая прослойка привилегированных рабочих, фашистской рабочей аристократии. Большинство взрослых рабочих сохранило определенно отрицательное отношение к фашистскому режиму, виновнику их растущего обнищания и полного бесправия.

Еще до войны фашизм привел к значительному ухудшению жизненного уровня не только рабочих, но и других слоев трудового народа Германии. Особенно это относится к *крестьянам*. Как раз среди крестьян, исполь-

зуя агитацию против Версаля и демагогические обещания снять тяготеющие над ними долги и нарезать им земли, гитлеровцы нашли легковерных приверженцев.

На деле Гитлер не облегчил положения ни батраков, ни среднего, ни мелкого крестьянства. Напротив, их положение чрезвычайно ухудшилось. Доказательством тяжелого положения малоимущих крестьян служит частая продажа их имущества с молотка при фашизме. Именно в таких районах, как южная и западная Германия, где преобладают средние и бедные крестьяне, такая продажа учащается, а в северной и восточной Германии, где преобладают земли юнкеров и кулаков, продажа имущества с молотка стала реже. Тяжелое положение сельскохозяйственных рабочих и крестьянской бедноты видно еще из того, что большая часть их вынуждена уйти в город в поисках более сносных условий существования. Это „бегство из деревни" привело к тому, что за шесть лет в город ушло, не взирая на все запрещения, около 1,5 миллиона батраков и крестьян.

О тяжелом положении трудящегося крестьянства можно судить также по следующим данным сельскохозяйственной переписи 1939 г. Полупролетарским хозяйствам, размером до 2 гектаров, составляющим 74% всех хозяйств, принадлежит всего лишь 3,5% всей земли; мелкокрестьянским хозяйствам—от 2 до 5 гектаров (12% всех хозяйств)—5,8% всей земли, середняцким хозяйствам—от 5 до 10 гектаров—10% всей земли. Кулацким хозяйствам, удельный вес которых составляет не более 12% ко всем хозяйствам, принадлежит 35% всей земельной площади. Наконец, крупным помещичьим хозяйствам (число которых составляет всего 0,6% всех хозяйств) принадлежит 38% всей земельной площади. Всего имеется 42 тысячи таких хозяйств, а земли у них более 20 миллионов гектаров.

До сих пор существуют огромные латифундии. Так, семейству бывшего кайзера Вильгельма принадлежат 97 тысяч гектаров, принцу Плесс 50 тысяч гектаров, принцу Гогенцоллерн-Зигмаринген 46 тысяч гектаров и т. д.

Гитлеровцы обманули мелкое крестьянство, обещая предоставить ему землю путем переселения. На деле число хозяйств, получивших землю в порядке переселения, за 1933—1940 гг. было минимальное, и оно уменьшается с каждым годом. В числе всех переселенческих хозяйств все больше и больше преобладают хозяйства кулацкого типа.

Число всех хозяйств, получивших землю, составляет:

в 1933 г.	4 914	в 1937 г.	1 894
в 1934 г.	4 931	в 1938 г.	1 456
в 1935 г.	3 905	в 1939 г.	798
в 1936 г.	3 308	в 1940 г.	385

Таким образом программа внутреннего переселения оказалась чистейшим обманом крестьянства. В оккупированных странах гитлеровцы предоставляют землю исключительно помещикам и небольшому числу кулаков.

Долговое и процентное бремя крестьянства увеличилось. Согласно данным за 1938 г. вся задолженность сельского хозяйства Германии составляет 11,4 миллиарда марок. Одни проценты достигают суммы в 560 миллионов марок.

Широко рекламируемое фашистами „освобождение от процентного рабства" оказалось обманом; точнее говоря, оно имеет место только по отношению к помещикам. Крупным помещичьим хозяйствам задолженность по уплате процентов была снижена с 181 до 59 миллионов марок, или на 67%. Уплата процентов крупными хозяйствами значительно ниже, чем мелкими. Так, например, в юго-западной части Германии уплата процентов в мелких группах хозяйств на гектар сельскохозяйственной площади составляла 23,7 марки, а в крупных хозяйствах 19,3 марки.

Средние слои города — самостоятельные ремесленники, мелкие лавочники — в момент прихода Гитлера к власти также рассчитывали на то, что фашисты помогут им выбраться из тяжелого положения. Вместо помощи Гитлер довел сотни тысяч ремесленников и мелких торговцев до разорения. Обещание аннулировать долги не было выполнено. Мелкому люду было отказано в предоставлении кредита; самостоятельные ремесленники были согнаны на военные предприятия; мелкая торговля была ограничена в пользу крупных торговцев. Доходы самостоятельных ремесленников составляли в 1929 г. 4 миллиарда марок, в 1937 г. они упали до 1,8 миллиарда, а в настоящее время снизились еще больше.

Правда, из средних слоев вышло значительное число фашистских чиновников, партийных служащих, членов штурмовых и охранных отрядов. Все это — подкупленные элементы, живущие на народные средства, пользующиеся привилегированным положением. Но надо сказать, что широкие слои среднего люда в 1939 г. выступали далеко не столь

сплоченно за Гитлера, как в 1933 г.; значительная часть их раскаивалась в том, что они на своих плечах протащили Гитлера к власти.

Внутренние противоречия в фашистской Германии обострялись конфликтами между гитлеровцами и влиятельными группами населения в области вопросов *культуры и мировоззрения.* Дело идет прежде всего об отношении гитлеровской клики к интеллигенции и кроме того о конфликтах между фашистами и католиками, между фашистами и протестантами.

Для создания внутреннеполитической прочности режима отношение его к интеллигенции играет немалую роль. Так, например, одним из условий прочности советского тыла является то, что интеллигенция — плоть от плоти, кровь от крови советского народа, что советское государство оказывает ей всякую помощь и поощрение и что в свою очередь интеллигенция отдает без остатка и до конца все свои знания, все свои силы, все свое уменье на благо социалистической родины.

В фашистской Германии гитлеровская клика и трудовая интеллигенция враждебны друг другу. Фашисты ведут подлинную истребительную войну против прогрессивной немецкой интеллигенции. Крупнейшие германские писатели и ученые изгнаны из страны. Достаточно назвать такие имена, как Эйнштейн, Генрих Манн, Томас Манн, Лион Фейхтвангер и многие другие. Многие были заключены в концентрационные лагери и там погибли; многие были доведены до самоубийства. Кадры умственного, интеллектуального труда уничтожаются. Около 10 тысяч человек — профессоров, доцентов, художников, артистов, музыкантов, поэтов, писателей, педагогов — вынуждено было эмигрировать. Число студентов в Германии в 1939 г. снизилось до 60 тысяч против 130 тысяч в 1932 г.

Дикая расправа над интеллигентскими кадрами стала, как это обнаружилось в ходе войны, причиной серьезнейших трудностей, вставших перед гитлеровской военной машиной. В фашистской Германии нехватает врачей, нехватает учителей! Нехватает 30 тысяч инженеров!

В чем же дело?

Фашисты не доверяют интеллигенции! И не без основания. Они хорошо знают, что подлинная интеллигенция, которая ценит истинную науку, литературу и искусство, должна осуждать варварский, враждебный культуре режим фашизма.

Верно, что среди германской интеллигенции есть и

немало беспринципных людей, подчинившихся влиянию фашистов, а, с другой стороны, имеется какое-то количество безличных карьеристов, унизившихся до положения „идейных штурмовиков". Но все же известно, что довольно широкие слои интеллигенции, оставшиеся в стране, отворачиваются от Гитлера и примыкают к группам недовольных элементов в стране. Гитлеровцы это прекрасно знают, и этим объясняются частые бешеные выпады Геббельса против интеллигенции. Это напряженное отношение между фашистами и интеллигенцией теперь, во время войны, является одной из причин внутренней слабости Германии.

Конфликты между гитлеровцами и *католиками* тянутся в Германии с 1933 г. и не прекращаются по сегодняшний день. Гитлеровцы закрывают католические школы, распускают католические общества, воспрещают издание католических газет и обвиняют католическое духовенство в том, что под маской религии оно создает политическую оппозицию гитлеровскому режиму. Протест католических народных низов против нарушения свободы совести является по существу протестом против гитлеровской тирании и деспотии вообще, отражающимся в религиозной маскировке. В связи с этим католические праздники, богослужения, процессии постепенно приняли характер демонстраций протеста против бесправия в фашистской Германии—демонстраций, в которых принимают участие многие группы населения, в прежние времена не посещавшие религиозных празднеств.

Между *протестантскими* религиозными общинами и гитлеровцами в течение многих лет также идет борьба. Хотя в последнее время она приняла скрытые формы, тем не менее она отнюдь не прекратилась. Часть протестантских теологов, не признавшая Гитлера в качестве своего верховного духовного вождя и заклеймившая расизм, как обман, либо арестована, либо эмигрировала.

Арест протестантского пастора Нимеллера вызвал массовое движение протеста. Нимеллер был широко известен в Германии. Во время первой мировой войны 1914—1918 гг. он был командиром подводной лодки и был награжден различными знаками отличия. В своих проповедях он назвал фашистов агрессорами и варварами; за это он был заключен в концентрационный лагерь. Петиция об его освобождении была подписана миллионами членов протестантских общин.

Эти конфликты между гитлеровцами, с одной стороны,

католиками и протестантами—с другой, также поколебали морально-политический авторитет гитлеровского режима в глазах германского народа.

Но этот момент имеет и международное значение. Преследование единоверцев в Германии вызвало сильное возмущение среди католиков и протестантов англо-саксонских стран и способствовало переходу широких слоев верующих за пределами Германии в антигитлеровский лагерь.

Для проницательных наблюдателей „внутренний фронт" Германии еще до 1939 г. обнаруживал наличие наводящих на размышление трещин. Картина гитлеровского тыла походила на что угодно, но только не на „гармонию классов" и ту „народную общность", которая, по хвастливой декларации Гитлера, была создана якобы в Германии.

Возникал вопрос,— каким же будет тыл Германии в грядущей войне? Ибо с самого начала должно было быть для всех очевидно, что моральное состояние народных масс во время войны будет играть огромную роль.

Официальные фашистские сферы неизменно давали на этот вопрос следующий стереотипный ответ: „Германский народ как один человек будет единодушно вести борьбу".

В противовес этому утверждению, такие трезво мыслящие люди, как, например, известный военный публицист, генерал-лейтенант фон-Метч, имели иное суждение. Вопреки всяким запретам Гитлера Метч не скрывал возможности поражения Германии в предстоящей войне и опубликовал по этому вопросу ряд работ, вызвавших сенсацию в германском обществе.

В книге „Великая Германия" (1939 г.) Метч писал: „Мы не гарантированы от моральных потрясений, которые могут произойти в грядущей войне. Будущее во все времена было сфинксом, загадку которого разрешали лишь последующие события. Теперь, когда военная стихия нависла над судьбой народа, эта неизвестность еще более обоснована, чем когда-либо раньше". Иначе говоря, генерала Метча обеспокоило будущее поведение немецкого народа. Он подчеркивал опасность не имеющего цвета и запаха „газа духовного разложения". Разоблачая Геббельса (фамилию которого он не называет, но с аргументацией которого он полемизирует), Метч приходит к выводу, что „война не приводит к разрешению социальных противоречий" и что ухудшение военного положения вызывает еще более резкое обострение внутренних противоречий. Он пишет в своей книге: „Во всяком случае мы должны

на основе опыта мировой войны признать, что война может окончиться поражением из-за голода". Эти более чем обоснованные опасения генерала Метча имели очевидную цель предостеречь Германию от военных авантюр, которые могли бы повлечь за собой роковые последствия.

Как известно, Метч не был единственным, высказывавшим подобные мнения. С теми же предостережениями в свое время выступил начальник генерального штаба, генерал Фритч, арестованный гитлеровцами в феврале 1938 г., затем убитый ими в сентябре 1939 г., в самом начале войны против Польши. Против войны восставали и другие военные специалисты, буржуазные государственные деятели и даже крупные капиталисты[1].

Господствующая фашистская клика не посчиталась с этими предостережениями, она ввергла Германию в чудовищную стихию новой мировой войны.

III. ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ С 1939 г. ДО ВЕРОЛОМНОГО НАПАДЕНИЯ ГИТЛЕРА НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ.

Захватнические цели, которые преследовали германские империалисты в 1939 г., были еще более дерзкими, чем те же цели кайзеровской Германии в 1914 г.

Для ведения войны гитлеровцы нуждались в прочном тыле, в поддержке народа. Для этого фашисты, стоящие у власти, скрыли от народа подлинные цели войны. Вся гигантская машина лживой фашистской пропаганды была мобилизована для того, чтобы обмануть народ и заставить его поверить, что Германии война навязана и что она ведет оборонительную борьбу.

Внутреннее положение фашистской Германии в 1939 г. было гораздо более противоречивым, чем положение кайзеровской Германии в 1914 г. Социальная база, на которую Гитлер опирался к началу войны, была менее прочной, чем в 1914 г. база германской буржуазии.

Но расчет Гитлера состоял как раз в том, чтобы путем войны найти выход из тяжелого положения. Этот расчет, как и расчет германских империалистов в 1914 г., —

---

[1] В США в 1941 г. были опубликованы под названием „Я оплатил цену прихода Гитлера к власти" мемуары миллионера Фрица Тиссена, ведущего магната германской тяжелой индустрии, написавшего эти мемуары за границей. Тиссен утверждает, что накануне открытия военных действий, в 1939 г., он телеграфировал Гитлеру и Герингу, предостерегая их от войны, которая может привести Германию к поражению.

и даже еще больше,— был построен на одной предпосылке: фашистские авантюристы поставили все на карту победы и притом победы „молниеносной".

В период войны, начиная с сентября 1939 г. и до 22 июня 1941 г., господствующая гитлеровская клика имела возможность использовать в своих интересах ряд благоприятных обстоятельств. Гитлер заверял германский народ, что Великобритания и Франция не дают Германии возможности мирным путем освободиться от пут Версальского договора и что поэтому для Германии единственная цель войны — сбросить с себя эти оковы. Население, веря этому, надеялось, что окончательная отмена Версальского договора будет означать окончание войны.

Гитлер без устали внушал германскому народу, что германская армии непобедима; ее стратегия,— стратегия „молниеносной войны",— якобы является безошибочной. И на самом деле,— легкие победы немецко-фашистской армии в Польше и Норвегии, на западном фронте в Европе создали такое представление, что предсказания гитлеровцев подтверждаются действительностью.

После поражения Франции Германия была опьянена победой. Гитлер поспешил возвестить скорую победу и над Англией. Однако победы этой Гитлер не добился! Это было первым крупным разочарованием для населения Германии; сердца людей стала наполнять тревога в предвидении затяжной войны. Но все же население не переставало ждать обещанной Гитлером победы над Англией.

Гитлер также обманул германский народ, уверяя его, что после заключения советско-германского пакта война Германии с Советским Союзом невозможна. Народ поверил этому, не представляя себе, что Гитлер может нарушить заключенный договор и вероломно напасть на Советский Союз.

Этими обстоятельствами надо объяснить, что на двадцать втором месяце войны тыл фашистской Германии еще не обнаруживал признаков разложения. Лишения, нужда народа были велики, но рост недовольства тормозился победными фанфарами, бесчисленными обещаниями быстрого окончания войны и посулами грандиозных социальных реформ после войны.

К этому прибавилось еще то обстоятельство, что гитлеровская клика во время войны в еще более широких размерах, чем до войны, применяла метод подкупа и морального разложения некоторых слоев населения.

Семьям мобилизованных солдат эта клика стала бросать нищенские подачки, убогие крохи. Явно развращающее воздействие на широкие слои населения оказывали посылки, получаемые семьями в тылу от солдат из оккупированных стран. Датским маслом, норвежскими сельдями, парижской дамской обувью соблазняли ослепленное население. Этим путем создавалась общность интересов между фашистской разбойничьей бандой, грабящей и опустошающей чужеземные народы, и немецкими мещанками, падкими до всяких награбленных вещей. Львиную долю добычи захватывали, разумеется, офицеры и главари фашистской банды, но несомненно, что кое-что перепадало и солдатам.

Но по мере того, как германские захватчики в оккупированных странах, подобно саранче, все пожирали и уничтожали, и для посылок уже ничего не оставалось,— прекращалось действие и этого поощряющего фактора, вознаграждавшего в известной мере усталость населения, утомление его войной.

IV. ГЕРМАНСКИЙ ТЫЛ ПОСЛЕ НАПАДЕНИЯ ГИТЛЕРА НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ.

В то время, когда Гитлер со своими разбойничьими полчищами ринулся на Советский Союз, население в тылу Германии было опутано сетями лжи, тысячами лицемерных обещаний и уверений.

Конечно, не могло быть и речи о том, что война против СССР популярна хотя бы в какой-нибудь части германского народа. Нарушение советско-германского пакта вызвало смятение даже в рядах многих членов гитлеровской партии. Но лживая фашистская пропаганда внушала населению, что СССР готовился напасть на Германию, что победа над Советским Союзом является единственным возможным путем быстрого завершения войны.

Вновь германский народ был введен в заблуждение бесстыдной клеветнической кампанией против Советского Союза. Гитлер торжественно заявил, что война окончится в 1941 г., и легковерные обыватели вновь поверили его словам. Та, отнюдь не малая, часть неселения страны, которая с самого начала осуждала разбойничье нападение на Советский Союз, была запугана; террор против антифашистской оппозиции был усилен в чудовищных размерах.

Подобно Вильгельму Гогенцоллерну, обещавшему

солдатам в начале войны в 1914 г., что они вернутся к своему домашнему очагу, когда листья спадут с деревьев, так и гитлеровские главари уверяли солдат и население в тылу Германии, что военный поход против Советского Союза продлится не более двух-трех месяцев. Один из работавших в Берлине активистов подпольной коммунистической партии Германии пишет о положении в первые два-три месяца войны: „Большинство населения верило в победу и считало, что победа — единственный путь к миру".

Вероломное нападение фашистов оказалось неожиданным, внезапным. Красная Армия была вынуждена в первые месяцы отступать. Немецко-фашистские войска заняли некоторые районы Советского Союза.

Гитлеровская пропаганда рисовала эти первоначальные успехи, как величайшие победы. Что ни день, германское радио трубило об уничтожении Красной Армии.

Население Германии и не подозревало, что гитлеровский стратегический план окружения и уничтожения главных сил Красной Армии уже с самого начала был сорван успешной тактикой активной обороны нашей Красной Армии.

В октябре 1941 г. гитлеровская кампания лжи достигла своего апогея. Торжественно было возвещено о предстоящем взятии Москвы. Официально было заявлено, что русская армия якобы уже уничтожена, что она уже небоеспособна и что немцы накануне окончания войны.

Гитлер обратился 2 октября с приказом по армии, в котором было сказано: „За несколько недель три самых основных промышленных района будут полностью в наших руках... Создана предпосылка к последнему, решающему удару, который еще до наступления зимы должен привести к уничтожению врага. Все приготовления, поскольку они в возможностях людей, уже окончены. На этот раз подготовка планомерно шла шаг за шагом, чтобы привести противника в такое положение, в котором мы теперь сможем нанести ему смертельный удар. Сегодня начинается последнее большое, решающее сражение этого года".

Через день, в речи от 3 октября, Гитлер заявил немецкому народу: „Враг уже разбит, и никогда он больше не восстановит своих сил".

Гитлер позже охотно отрекся бы от этого хвастливого предсказания победы. Но оно было выболтано, а „слово не воробей, вылетит — не поймать!"

Так же, как военная стратегия германского верховного командования, внутреннеполитическая стратегия гитлеровцев исходила из идеи „молниеносной войны" и из расчета победы в результате такой войны. „Блицкриг" и победа — вот что должно было устранить внутреннеполитические трудности фашистского режима, поднять престиж Гитлера и позволить ему расправиться с враждебной ему оппозицией.

Но все эти расчеты командования фашистской армии разлетелись вдребезги; они были разбиты впрах гениальной стратегией руководства Красной Армии и великим патриотизмом, титанической борьбой советских воинов и советского народа. С крушением „молниеносной войны" и всей связанной с этим концепции, исповедуемой гитлеровцами с самого начала и в ходе войны, рухнули и их расчеты на одержание победы на внутреннем фронте.

Историческая победа Красной Армии под Москвой и резкий перелом на фронте в ноябре-декабре 1941 г. создали новое положение в тылу германского фашизма.

Военные события с полной очевидностью продемонстрировали крушение плана „молниеносной войны", и дальше стало невозможно кормить германский народ баснями о „блицкриге".

Сам Гитлер вынужден был признать крах „молниеносной войны". В свойственном ему стиле он лжет и тогда, когда ему приходится в чем-нибудь признаться; поэтому в своей речи 8 ноября 1941 г. он заявил, что у него никогда не было и в помыслах вести „молниеносную войну" против Советского Союза.

Но все это означало, что все надежды как германских солдат, так и населения Германии на окончание войны в 1941 г. не осуществились. Крах „блицкрига" означал, кроме того, что фашистской армии предстоит зимняя кампания, а одно лишь упоминание о „русской зиме" внушало немецким солдатам и членам их семей ужас и тревогу.

Но вместе с тем перед германским народом встала грозная перспектива затяжной войны, конца которой не видно. А эта перспектива и была именно тем фактором, который в первой мировой войне 1914—1918 гг. в большой мере способствовал разложению тыла Германии. Почему же последствия должны быть иными теперь, во второй мировой войне?

Вместо перспективы кратковременной войны возникла перспектива затяжной войны. Но речь шла не только

об этом — в битве за Москву и в других сражениях Красная Армия развеяла впрах легенду о *непобедимости гитлеровской армии!* Кроме того, одним из решающих факторов, влияющих угрожающе на моральное состояние солдат и населения в тылу Германии, являются неисчислимые потери немецко-фашистской армии.

Гитлеровская пропаганда и в отношении возможных в будущих боях потерь кормила солдат и население несбыточными иллюзиями. Приводились „доказательства" незначительности потерь в механизированной и моторизированной армии со ссылкой на ничтожные потери германских войск в войне против Польши, Норвегии, Бельгии, Голландии, Франции, Югославии, Греции, т. е. в войне со слабыми противниками. Тем больше население Германии было ошеломлено теми чудовищными потерями убитыми и ранеными, которыми германский народ оплачивал разбойничье нападение гитлеровской армии на Советский Союз. И хотя германский народ не знает правды о подлинных размерах потерь на советско-германском фронте, тем не менее в Германии едва ли есть семья, которая не оплакивала бы погибшего в сражениях или раненого в боях родственника. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные траурные извещения на страницах германских газет. Власти ограничили размеры печатаемых траурных объявлений одной газетной страницей, дабы воздействие их на психику читателя не становилось все более и более катастрофическим.

Влияние на солдат и на гитлеровский тыл разочарования, вызванного провалом „блицкрига", огромными потерями и поражением германской армии, было потому столь внушительным, что моральная вооруженность Германии значительно отстала от ее вооруженности технической.

Ведь не подлежит сомнению, что моральный фактор играет огромную роль в тех случаях, когда дело идет о необходимости стойко переносить нужду и лишения. И чем дольше длится война, тем значимость этого фактора становится больше. А с моральным духом в гитлеровской грабьармии дело обстоит неблагополучно. „Ни один немецкий солдат не может сказать, что он ведет справедливую войну, ибо он не может не видеть, что его заставляют воевать за ограбление и угнетение других народов. У немецкого солдата нет возвышенной и благородной цели войны, которая могла бы его вдохновить и чем он мог бы гордиться" (Сталин).

То, что товарищ Сталин говорит о немецком солдате и офицере, относится также и к населению тыла. Способность населения Германии выдержать войну, по мере затягивания, будет падать чем дальше, тем больше именно потому, что народ не убежден в том, что война эта справедливая.

Перед лицом изменившегося положения вновь стал актуальным вопрос, который в первой мировой войне 1914—1918 гг. для кайзеровской Германии вырос в проблему — быть или не быть режиму. Это — вопрос о том, возможно или невозможно преодоление внутренних трудностей путем доведенного до гигантских масштабов обольщания народа. Как уже было показано, история первой мировой войны дала на этот вопрос отрицательный ответ.

На фоне множества событий наших дней уже постепенно вырисовывается ответ, который на тот же вопрос будет дан историей нынешней войны.

V. ВОЙНА И ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС.

Внутренняя слабость фашистского режима в Германии еще до войны коренилась в том, что он служил целиком и полностью интересам германской плутократии, а не интересам народа. Это имело своим последствием то, что гитлеровская власть принесла народу не обещанную зажиточную жизнь, а растущую нужду и нищету.

Как же сложилось положение трудового народа во время войны, и какое влияние оно оказывает на войну на нынешнем этапе?

В Германии все сильнее сказывается истощение экономических ресурсов: оно отражается в растущих трудностях снабжения военной промышленности, транспорта, армии нужным сырьем; оно обнаруживается в недостатке рабочих рук во всех областях военного хозяйства. Истощение ресурсов отражается, наконец, в беспримерном снижении жизненного уровня трудящихся.

Общее иссякание продовольственных ресурсов в соединении с антинародной политикой гитлеровцев, стремящихся переложить бремя войны на плечи трудящихся, привели к тому, что германский народ голодает в настоящее время так же, как и в первую мировую войну 1914—1918 гг. Продовольственные нормы, составлявшие уже с начала войны (с сентября 1939 г.) лишь половину прежнего потребления, периодически сокращаются или, по примеру практики 1916—1918 гг., продукты по кар-

точкам вовсе не выдаются. Хлебная норма сокращена в апреле 1942 г. с 343 до 285 граммов в день, уменьшаются постоянно и нормы других продуктов. Так, например, в апреле 1942 г. норма жиров и мяса была уменьшена на 25%.

Недостаток продуктов питания и голод вызывают спекуляцию. Власти пытаются успокоить народные массы, восстающие против спекуляции, драконовскими приговорами против мелких спекулянтов. Ежедневно в немецко-фашистских газетах печатаются сообщения о присуждении мелких спекулянтов—базарных торговцев, мясников, владельцев овощных лавок — к тюремному заключению на пять, восемь и десять лет. С апреля-мая 1942 г. гитлеровский суд вынес ряд смертных приговоров этим мелким спекулянтам. Эти приговоры были приведены в исполнение. А в то же время фашистские чиновники и офицеры совершают сделки с крупными спекулянтами, обогащаются на нужде населения. Иностранная печать отмечает, что ни в одной стране в мире в 1942 г. не процветает такая безудержная спекуляция, как в Германии.

В фашистской Германии ужасны не только продовольственные лишения широких народных масс,— все более тягостным становится недостаток одежды и обуви для населения. Из 1600 обувных фабрик 1100 закрыты; остальные работают только для армии. В стране нет совсем хлопка, шерсти, кожи. Недостаток теплой одежды зимой 1941—1942 г. имел катастрофические последствия для германской армии.

Из-за транспортных затруднений и недостатка угля все больше урезывается отпуск населению топлива.

Жилищное строительство во время войны фактически прекратилось. В результате этого нужда в квартирах на четвертом году войны становится все более острой. Надо иметь в виду, что еще накануне 1939 г. в Германии, по официальным фашистским данным, не был удовлетворен спрос на 4 миллиона квартир!

Согласно оценке буржуазного экономиста, германского профессора Хеттлаге, в 1940 г. население Германии потребило продовольствия на 5 миллиардов марок меньше и других товаров широкого потребления на 9 миллиардов меньше, чем в предшествующие годы. Не подлежит сомнению, что в 1941 г. эти цифры значительно увеличились. В 1942 г., разумеется, потребление достигло минимальных размеров.

Венгерский правительственный официоз „Пестер

Ллойд" исчислил размеры падения потребления в Германии на 1940 г. против довоенного периода в 40%. В настоящее время (1942 г.) падение потребления превысило, несомненно, 50%.

Тут кстати вспомнить о том, что по исчислениям буржуазного экономиста Бургдерфера потребление населения в Германии в 1917—1918 гг. снизилось на 60%[1]. До этого минимума оно сползло и в настоящее время!

Вся тяжесть финансирования войны возложена на плечи трудящихся масс, и масштабы этого бремени для народа далеко оставили за собой уровень 1914—1918 гг. Военные расходы в 1941 г. составляли, по имеющимся данным, 60—70 миллиардов марок, а за предшествовавший период 1939—1941 гг. они исчислялись в среднем за год в 50 миллиардов марок. В то же время, по оценкам Гельфферихa и др., военные расходы в 1914—1918 гг. составляли в среднем до 35 миллиардов марок в год.

В первой мировой войне военные расходы достигали в 1915 г. 63 миллионов марок в день, в 1916 г. 74 миллионов, в 1917 г. 109 миллионов, в 1918 г. 135 миллионов. В нынешней войне ежедневно расходы в среднем превысили в 1941 г. 160 миллионов, а к концу 1941 г., по сообщению берлинского корреспондента японской газеты „Осака Майничи", они достигли 250 миллионов марок.

Налоги, составлявшие к началу войны 10 миллиардов, в 1941 г. достигли огромной цифры в 30 миллиардов, а вместе с местными налогами 37 миллиардов. Львиная доля этих налогов — свыше 80% — падает на рабочих и прочие трудовые слои народа.

Но помимо налогов бремя войны тяготеет над трудящимися Германии еще благодаря инфляции. Денежная масса в обращении возросла с октября 1940 г. по октябрь 1941 г. с 12,1 до 16,4 миллиарда марок, а к концу 1941 г. до 22 миллиардов, в начале же войны она составляла 5 миллиардов. Это бесспорно говорит о том, что в стране происходит инфляция, последствием которой является непрерывное падение покупательной силы населения.

Гитлеровская клика прекрасно отдает себе отчет в том, с каким ужасом еще по сей день германский народ вспоминает инфляцию, потрясавшую страну после первой мировой войны. Именно потому народ все время кормят частыми обещаниями и утверждениями, что в Германии инфляции не будет. Гитлеровский министр хозяйства Функ

---

[1] „Finanz-Archiv", 1940, № 1.

отрицает до сих пор наличие в Германии инфляции, но отрицание факта, как известно, не является устранением самого факта.

Одним из симптомов инфляции в 1914—1918 гг. было повышение курса ценных бумаг на бирже. Капиталисты бросились покупать акции, спасая свои деньги от обесценения. То же явление наблюдается и в нынешней войне. Несмотря на лицемерные выпады и угрозы министра хозяйства Функа, направленные против „эгоистичных" предпринимателей, вкладывающих свои капиталы в государственные бумаги, капиталисты и на этот раз приобретают акции, что приводит к повышению их курса. Одновременно богатые люди скупают старинную мебель, редкие книги и ценные картины. Иными словами, происходит полностью то, что обычно характеризуют словами „бегство в вещевые ценности".

В конце 1940 г. в Швейцарии за 100 германских марок платили 95 франков, летом 1941 г. 50 франков, а в конце 1941 г. лишь 25 франков. Этим цифрам соответствуют размеры падения внутренней покупательной силы марки в самой Германии.

Гитлеровская клика обирает германский народ на тысячу ладов до последней нитки, дабы покрыть нарастающие чудовищными темпами расходы на войну. Восьмимиллиардный фонд различных организаций по страхованию инвалидов, безработных, больных, накопленный из взносов рабочих и служащих, был конфискован и заменен ничего не стоящими бумагами государственных займов. То же было сделано и со сбережениями трудящихся, вложенными в сберегательные кассы. А после того, как в ходе войны выяснилось, что народ утратил доверие к сберегательным кассам, правительство издало в марте 1942 г. закон, согласно которому „за сокрытие денежных сумм виновные будут присуждаться к тюремному заключению, в особо же тяжелых случаях — к каторжным работам". Иначе говоря, кто не отдает свои последние сбереженные гроши гитлеровскому режиму, тот попадает в яму.

Гитлеровская клика использует войну для наступления на жизненный уровень рабочего класса. В самом начале войны Гитлер издал постановление, воспрещающее повышение заработной платы в какой бы то ни было форме. На бумаге воспрещено и повышение цен, в действительности же остается неизменной одна лишь номинальная заработная плата, цены же все время идут в

гору, и поэтому реальная заработная плата все больше и больше падает.

Продолжительность рабочего дня доведена до 14 и даже до 16 часов. Интенсивность труда поднята методами жесточайшей эксплоатации до пределов человеческих сил. Результатом этого являются массовые заболевания и угрожающий рост числа несчастных случаев на военных предприятиях.

Фашистская газета „Франкфуртер Цейтунг" констатирует, что „над германской промышленностью пронесся вихрь несчастных случаев", и в связи с этим цинично предлагает предавать увечных рабочих суду, так как якобы в восьмидесяти случаях на сто они сами виноваты в своем увечье. В прежние времена, до фашистского режима, пострадавшие рабочие получали, хотя и совершенно недостаточное, пособие, присуждавшееся им судом. Гитлеровцы ликвидировали эти пособия. Более того,— рабочих за то, что их сделали инвалидами, суд должен бросить в тюрьму!

В составе занятых сейчас в Германии рабочих и служащих 40% женщин. Работницы обязаны нести тот же труд, что и мужчины, но заработную плату они получают на 20—40% ниже, чем рабочие-мужчины. Из заработной платы рабочих польского происхождения удерживается 20% на том основании, что они якобы находятся на „более низкой стадии культурного развития". Военнопленные, работающие на предприятиях, совсем не получают заработной платы; они работают в подлинных условиях рабского труда. Их заработная плата выдается управлению лагерей военнопленных из расчета 60% среднего уровня заработной платы. Насильственно согнанные из оккупированных стран иностранные рабочие получают на руки лишь 75% своей заработной платы, 25% ее удерживается под предлогом выплаты им при возвращении на родину. В случаях, когда воздушной бомбардировкой предприятие полностью или частично разрушается, рабочие получают компенсацию отпавшей заработной платы лишь в размере 75%, и то в течение только двух недель. Благодаря этим и иным мероприятиям трудовой доход рабочего класса неизменно падает, положение трудящихся непрерывно ухудшается.

Чрезвычайно тяжелым в ходе войны стало и положение мелкого и среднего крестьянства. Миллионы крестьян проливают кровь, гибнут на полях сражения за Гитлера. Работа в деревне падает на женщин, детей и стариков.

Тягловый скот реквизирован. Не подлежит сомнению, что, как и в 1914—1918 гг., производительность сельского хозяйства сильно падает. И от скудного урожая крестьянину остается все меньше и меньше продуктов для личного потребления. Львиную долю урожая крестьяне должны отдавать гитлеровцам по низким принудительным ценам. Преимуществами спекулятивной продажи продуктов по вздутым ценам пользуются только помещики и кулаки благодаря их умению обходить законы и благодаря их связям с властями.

Еще в конце 1939 г., на первом этапе войны, в „Известиях сельского хозяйства" напечатано было письмо одного сельского хозяина, в котором говорилось: „Ничего на свете нет хуже, как быть крестьянином!" Эти слова ярко отображают отчаянное положение, в котором находятся крестьяне в фашистской Германии.

Но в то время, как рабочему классу и другим трудящимся слоям война принесла обнищание, в Германии имеются группы населения, делающие блестящие дела на войне. Магнаты военной промышленности кладут в карман огромные барыши. Чистая прибыль Стального треста возросла с 8,6 миллиона марок в 1933 г. до 27,6 миллиона в 1940 г. В то же время списывания возросли с 45,8 до 61,4 миллиона марок — в значительной мере за счет роста прибылей. Крупп показал в 1934 г. прибыль в 6,7 миллиона марок, а в 1939 г. 22,7; его списывания возросли с 20,5 миллиона в 1933 г. до 69 миллионов в 1940 г. Германский химический трест „И. Г. Фарбениндустри" имел в 1939 г. по балансу чистую прибыль в 56,1 против 47 миллионов марок в 1932 г. Но его списывания составили 172,8 миллиона против 55,7. В резервные фонды отчисляются многие миллионы. За 1940—1941 гг. прибыли Круппа, „И. Г. Фарбениндустри" и других крупных концернов значительно повысились.

К таким старым магнатам военной промышленности, как Крупп, Феглер, Клекнер, Ханиэль, Флик, как бароны химического треста „И. Г. Фарбениндустри", ныне присоединяются такие свежеиспеченные „нувориши" фашистской Германии, как Герман Геринг, ведущее лицо в названном его именем концерне, и другие фашистские заправилы. Геринг, занимавший еще перед войной десять различных постов, имел по ним годовой доход в 1,8 миллиона марок. В ходе войны его доходы во много раз возросли. Сам Гитлер — разумеется, несфициально — является собственником „Центрального издательства", кото-

рому принадлежат две трети всех германских газет.

Фашистские чиновники и офицеры высшего ранга, причастные к расхищению и ограблению оккупированных стран, к спекуляции и к жульническим проделкам, имеют большие доходы и живут отменно. Берлинский корреспондент американской газеты „Пост Меридиональ" пишет, что в июле 1941 г. он был приглашен одним фашистским бюрократом в шикарный ресторан, „обслуживающий только высшие слои", в котором можно было отлично покушать. Обед стоил 150 марок,— и это было по карману фашистскому мерзавцу! Вместе с тем надо сказать, что 150 марок — месячная заработная плата квалифицированного рабочего в Германии.

Само собой разумеется, что гитлеровские бандиты, обогащающиеся на войне, заинтересованы в том, чтобы население ничего об этом не узнало. Фашисты хорошо помнят, что в ходе первой мировой войны недовольство и озлобление широких масс особенно обострились зияющим контрастом между их страданиями и лишениями и обжорством и расточительством военных поставщиков, богатеев, спекулянтов, пресловутых „нуворишей". Гитлеровская клика пытается, с одной стороны, обольщать массы уверением, что их страдания еще в ходе войны, особенно же после ее окончания, будут вознаграждены широкими социальными реформами. С другой же стороны, она прилагает все усилия к тому, чтобы затушевать кричащее противоречие между нищетой широких масс и роскошной жизнью плутократической фашистской верхушки. Этим целям служит широко проводимая во время войны социальная демагогия фашистов.

Вся социальная демагогия фашистов целиком построена в расчете на обольщание населения. И во всем делается ставка, прежде всего, на кратковременный эффект. Кроме того, Гитлер исходит из допущения, что германский народ не привык мыслить и что он слепо верит в обещания фашистов.

Но что же будет, если торжественные и хвастливые обещания гитлеровцев не оправдаются?

Об этом им некогда думать,— у них другие заботы, у них горит почва под ногами!

Гитлер много обещал рабочим. Он говорил: „Помогите мне победить Англию и Америку, и я сделаю вас рабочей аристократией всего мира!"

Гитлер много обещал крестьянам, сказав: „Помогите мне победить Советский Союз, и вы получите столько

земли, сколько вашей душе угодно! В Германии мы не имеем земли, а в России ее видимо-невидимо!"

Гитлер „разрешил" в ходе войны проблему страхования по старости. С этой целью был издан „закон", по которому каждый немец по достижении 65-летнего возраста пользуется правом получения пенсии. Но вся беда для немцев в том, что этот закон должен быть введен в действие только после окончания победоносной войны!

Столь же просто Гитлер „разрешил" и жилищную проблему. Он издал другой „закон", по которому каждый немец может получить квартиру из трех комнат. Это в два-три раза больше того, что немец имел раньше. Квартира, конечно, обещана за плату, в три раза более низкую, чем немец платил раньше. Эту жизнь в раю Гитлер обещает германскому обывателю опять-таки лишь после того, как окончится война!

Для того, чтобы придать этим хвастливым посулам правдоподобный характер, Гитлер предусмотрел ассигнование на жилищное строительство в размере 25 миллиардов марок, на страхование по старости в 40 миллиардов и столько же на поднятие сельского хозяйства. Но обещать такие огромные суммы, это — чистейшее жульничество, ибо никаких реальных источников для их покрытия нет ни теперь — во время войны, их не будет тем более после войны. И все-таки Гитлер не стесняется,— он рассчитывает на то, что германский народ не в состоянии будет разгадать экономическую несостоятельность подобных посулов и даст себя одурачить обещанными грандиозными цифрами.

Но до тех пор, пока население верило в победу и в близкий конец войны, этот обман производил на многих легковерных обывателей впечатление. По мере же того, как германский народ начинает терять веру в победу и не видит конца войны, широковещательные обещания Гитлера утрачивают силу воздействия. Народ хочет есть *теперь*, жить *теперь*, а не после войны, и он больше не желает слушать пустую болтовню.

К той же области социальной демагогии относятся, далее, жульнические мероприятия гитлеровской клики по замазыванию фактов обогащения капиталистов на войне, по затушевыванию контрастов в уровне жизни бедных и богатых. Гитлеровцы знали, что огромные прибыли предпринимателей в первой мировой войне вызывали среди населения и солдат большое озлобление. И поэтому они выступили с мероприятиями, целью которых было отнюдь

не ограничение военных прибылей, а создание у населения лишь иллюзии подобного ограничения. Если акционерный капитал раньше составлял 50 миллионов марок, то теперь его увеличивают до 100 миллионов. При прежних дивидендах, — скажем в 5 миллионов марок, — капитал дает уже не 10%, а 5% прибыли!

В фашистском журнале „Промышленность и налоги" был воспроизведен доклад заместителя председателя имперской группы промышленности, генерального директора Шталя о „значении дивидендного тормоза", в котором он перед своими коллегами по промышленности откровенно раскрывал смысл и цель „урезывания дивидендов". Он говорил: „Почему не дивиденды в 12—14%? На широкие круги населения такие размеры дивидендов оказывают несомненно возбуждающее действие! Было бы неправильно недооценивать подобное воздействие и его политические последствия!"

Итак, в этом докладе представитель капиталистов вынужден без всяких прикрас признать, что вся шумиха с „дивидендным тормозом" — не что иное, как грандиозный обман народа.

Гитлеровцы ввели специальный налог на „чрезмерные доходы". Этот налог, имевший ничем неприкрытые демагогические цели, нашел столь ограниченное применение, что за 1940 г. он дал смехотворную цифру в 26 миллионов марок. Впоследствии он был отменен, как „излишний" налог.

Этими и другими махинациями достигается то, что население не может составить себе ясного представления о подлинных масштабах обогащения таких фашистских военных акул, как Крупп, Феглер, Геринг и др.

И тем не менее, лживому утверждению фашистов, что в Германии вообще нет военных королей, уже не верят.

Слишком зияющим является контраст между тем, как живут бедные и богатые люди в Германии, чтобы одним отрицанием фактов можно было устранить самые факты. Вся беспредельная социальная демагогия фашистов оказывается неспособной закрыть людям глаза на чудовищную нищету и нужду, обрушивающуюся на плечи широких народных масс. Голод и лишения усиливаются в Германии из года в год, из месяца в месяц. И чем более невыносимыми становятся страдания масс, тем больше тупеет оружие гитлеровской социальной демагогии, тем больше растут в стране недовольство и ожесточение.

VI. ПРИЗНАКИ ВНУТРЕННЕГО ОСЛАБЛЕНИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ.

Гитлеровцы рассчитывали на то, что война им даст возможность расширить их опору среди германского народа и преодолеть внутренние трудности фашистского режима. В основе этого расчета лежала надежда на быструю и легкую победу над противником, в том числе над Советским Союзом.

Провал молниеносной войны, провал военно-стратегического плана гитлеровской армии в СССР, поражение под Москвой в октябре-декабре 1941 г. и отступление, ужасы зимы 1941—1942 г. создали новое положение не только на фронтах, но и в тылу фашистской Германии.

О внутреннем положении в Германии, как оно создалось зимой и весной 1942 г., можно судить по рассказам немецких солдат, взятых в плен Красной Армией, а также по письмам и дневникам, найденным у пленных и убитых немецких солдат. К этому надо прибавить сообщения корреспондентов нейтральной печати (швейцарской, шведской). Наконец, и гитлеровская печать, несмотря на всю свою лживость, содержит подчас некоторые вынужденные признания, проливающие свет на внутреннее положение в стране.

Самым характерным новым моментом в первые месяцы 1942 г. является усталость, утомление войной. Во многих письмах один и тот же наболевший вопрос: когда кончится война? как долго еще? Во многих письмах солдаты спрашивают: доживу ли я до конца войны? В письмах солдат, приведенных в сводках Советского Информбюро, звучит животный страх за собственную жизнь. Не меньшее смятение царит в тылу среди многих родственников.

На вопрос, каким образом настанет конец войны, солдаты, превращенные в автоматы, не могут дать ответа. Они заявляют, что они избегают об этом думать. Население в тылу тоже боится думать о причинах и о целях войны. В ряде писем из тыла задается вопрос: на что нужна война? за кого мы воюем? Однако на основе отдельных писем трудно делать обобщающие выводы.

Разбойничья банда Гитлера отлично поняла, что распространение в народе толков на тему о том, когда кончится война, представляет огромную опасность для прочности морального состояния как армии, так и тыла. И Геббельс, известный всем как умелый матерый обманщик, не нашел ничего другого, как противопоставить этому

запрещение не только говорить об окончании войны, но даже думать об этом. В газете „Дас Рейх“ от 20 января 1942 г. он писал: „Теперь каждый немец должен считать своим элементарным политическим долгом не спрашивать, когда окончится война“.

Гитлеровская клика с нарастающей тревогой следит за настроением в тылу. Эта тревога обнаруживается во множестве быстро сменяющихся жульнических маневров в фашистской агитации. В 1941 г. Гитлер обещал немецкому народу конец войны в конце этого года. Зимой 1941—1942 г. гитлеровцы инсценировали шумиху о „весенней оффензиве“, обещая солдатам и населению „быструю и окончательную победу“. Летом 1942 г. они попытались поднять подавленное настроение в тылу, уверяя население, что военные успехи армии обеспечивают „окончание военных операций“ до наступления зимы.

Основной задачей, поставленной перед фашистской пропагандой, является — держать немецкий народ в состоянии постоянного опьянения, хронического отравления ума, постоянного слепого повиновения фашистскому режиму.

Инсценируемые Гитлером и Геббельсом кампании, фашистский блеф и обман еще оказывают известное воздействие на население Германии. В мае-сентябре 1942 г. немецко-фашистская армия, сосредоточив почти все силы на южном фронте, путем огромных потерь достигла известных успехов, состоявших в оккупации ряда городов и областей СССР. Чрезмерно раздувая эти успехи, фашистская пропаганда пытается опять создать иллюзии среди населения Германии насчет возможности быстрого окончания войны.

Однако идеологическое влияние фашизма на германский народ в 1942 г. уже не такое, каким оно было в 1941 г. и раньше. Военные успехи не вызывают энтузиазма. Население к ним относится равнодушно и апатично. Громко рекламируемые успехи — завоевание новых городов в СССР — не смягчают тяжелого положения населения и не приближают конца войны. Грозная перспектива новой военной зимы после опыта зимы 1941—1942 г. вызывает чувство страха и тревоги в Германии. Огромные потери немецкой армии в течение всего 1942 года усиливают подавленное настроение. Сам Лей вынужден заявить: „Большинство наших семей уже принесло в жертву своих сыновей“. Воздушные налеты английских летчиков на города Западной Германии и советских летчиков на районы

Восточной Германии вызывают в этих городах и районах растущее беспокойство. Наконец, немецкое население испытывает глубокий страх перед вторым фронтом.

Немцы поддаются еще влиянию фашистского обмана. Однако это влияние слабеет. Поэтому гитлеровская пропаганда все меньше в силах приостановить начавшееся моральное разложение внутреннего тыла германской армии.

Вот почему гитлеровцы вынуждены все чаще прибегать к диким угрозам, к жестоким репрессиям, ничего общего не имеющим с „духовным убеждением". Непрекращающиеся угрозы днем и ночью, повсюду и во всем,— это тот основной фон, на котором развертываются взаимоотношения гитлеровской клики с той частью немецкого населения, которая склонна, по словам Геббельса, „к пессимизму и к скептицизму".

Еще зимой 1941—1942 г. фашистская газета „Дер Данцигер Форпостен" писала: „В Германии много пессимистов. Таких пессимистов надлежит считать саботажниками и дезертирами". А не ясно ли, что с тех пор число этих опасных „пессимистов" увеличилось?

Ослабление влияния гитлеровской пропаганды и усиление *репрессий* внутри Германии тесно связаны между собой. Репрессии в отношении тех, кто припрятывает деньги, т. е. не несет их в сберегательные кассы! Смертные приговоры всем тем, кто не сдает государству свою последнюю теплую одежду! Смертные приговоры за саботаж, за дезертирство, за укрытие сырья! И так — до бесконечности.

Но прежде всего — смертные приговоры „внутренним врагам"! Гитлер еще в своей речи в рейхстаге 11 декабря 1941 г. заявил: „Кто попытается нарушить наш внутренний фронт, тот поплатится жизнью". Это, повидимому, единственное обещание Гитлера, данное народу, которое он всегда готов сдержать. В германских газетах ежедневно печатаются сообщения о казни „государственных изменников" и „шпионов".

Мотивами для вынесения смертных приговоров служат якобы „измена родине", „шпионаж", „попытка свержения существующего государственного строя", а для заключения в тюрьму — часто слушание радиопередачи из-за границы. Характерно, что большинство так называемых „государственных изменников" состоит из людей старше 40 лет.

Но одной работы палачей уже недостаточно для поддержания „внутреннего порядка". В последние месяцы

все чаще поступают сведения о том, что под общим командованием Гиммлера создается из СС'овских войск и других террористических частей особая армия „для внутреннего использования". Эта армия держится наготове на случай внутренних беспорядков. Во многих крупных городах созданы пулеметные гнезда. Предусматривается организация особой „авиационной жандармерии", которая должна выполнять якобы только „наблюдательные функции".

Японская газета „Осака Майничи", которая, кстати сказать, занимает чрезвычайно благожелательную в отношении фашистской Германии позицию, уже 9 декабря 1941 г. сообщала, что полицейские кадры в Германии увеличены на 50 % и по этому поводу отметила: „В Германии считаются с возможностью внутренних беспорядков".

Итак, эта новая армия есть не что иное, как открыто создаваемая для гражданской войны армия. *„Внутренний враг"—не кто иной, как германский народ.* Так расценивает сама гитлеровская клика перспективы развития в германском тылу в 1942 г.

О чем говорят все эти факты?

По мере того, как из-под ног Гитлера все больше ускользает его социальная база—опора в населении Германии, он усиливает свою военную опору, укрепляет различные вооруженные террористические банды.

Недовольство гитлеровской политикой авантюр проникает и в ряды господствующих классов, буржуазии, в среду генералитета и офицерского корпуса, в церковные круги, т.-е. в ту сферу, которая всегда в истории Германии считалась надежной опорой реакции.

Конфликты и разногласия между гитлеровской кликой и влиятельными элементами генералитета, между нею и некоторыми кругами крупной буржуазия, а также кругами католической и протестантской церкви, возникали еще до войны. Гитлеровцам не удалось в ходе войны устранить эти разногласия и вызванные ими напряженные отношения.

Старые разногласия между гитлеровской кликой и генералитетом в вопросе войны на советско-германском фронте вспыхнули с новой силой после разгрома немецко-фашистских армий под Москвой. Еще так недавно чрезмерно восхваляемый немцами главнокомандующий германской армией, фельдмаршал Браухич в январе 1942 г. под предлогом „болезни" был снят с поста. За этим последо-

вали загадочная смерть фельдмаршала Рейхенау и смещение других видных генералов. Не подлежит сомнению, что Гитлер очутился перед лицом кризиса в главном командовании армии, который он пытался ликвидировать хорошо известными бандитскими методами гестаповцев. Гитлер назначил себя главнокомандующим армией. Тем самым ему удалось временно затушевать генеральский кризис.

Смещение Бра́ухича — чрезвычайно знаменательный факт, свидетельствующий об обострении и так уже напряженных отношений между старым, юнкерским офицерством и новыми кадрами выскочек из фашистской партии. Ибо Браухич всегда был представителем старой офицерской касты, которая боится теперь потерять полностью свое влияние в армии. Для успокоения этих кругов Браухич в секретном приказе № 3350/40 от 8 мая 1940 г., попавшем в руки командования Красной Армии, объявил, что офицеры могут быть уверены в том, что до тех пор, пока он остается на своем посту, „интересы армии, иначе говоря старших офицерских кадров, будут всегда соблюдаться". Браухича уже нет на прежнем посту, и взаимная вражда двух офицерских лагерей в германской армии будет все время обостряться.

О чем говорит этот кризис в высшем командовании, о чем свидетельствуют смещения, аресты и убийства генералов?

Гитлеровская клика испытывает смертельный страх за свою власть. Перед ней неотступно витает призрак заговора. Гитлер опасается этого и хочет устранить возможность заговора теми же способами, которые он всегда применял в годы своего кровавого пребывания у власти. Но нельзя изменить внутренние позиции генералитета в отношении Гитлера и его режима путем удаления или даже убийства отдельных генералов. Взаимное недоверие и интриги останутся и дальше.

Есть основания предполагать, что недовольные элементы генералитета связаны с оппозиционными элементами крупной буржуазии. Такие элементы среди буржуазии несомненно имеются. Это — трезво мыслящие деловые люди, которые понимают, что гитлеровская политика военных авантюр ведет Германию к катастрофе, и которые встревожены судьбой своих прибылей и даже больше — судьбой господства своего класса.

Речь Гитлера 26 апреля 1942 г. в рейхстаге полна истерических угроз, обращенных к этим фрондерам,

принадлежащим к влиятельным кругам нынешней Германии. Гитлер потребовал от рейхстага полномочий беспощадно расправиться с этими влиятельными людьми. „Я прошу германский рейхстаг,—говорил он,—открыто подтвердить, что я обладаю законным правом требовать от каждого выполнения его обязанностей, а тех, кто, по оценке моей совести, не выполняет своих обязанностей, либо привлекать к уголовной ответственности, либо увольнять с занимаемой должности беспощадно, кто бы он ни был, какие бы права он ни имел".

Через несколько недель после этих угроз произошли смещения с должности министра Дарре, который принадлежал к верхушке гитлеровской клики, государственного секретаря министерства путей сообщения и других фашистских бюрократов. Сообщали об арестах отдельных руководителей германской военной промышленности. Грызня и трения в фашистской верхушке не прекращаются.

Вражда между гитлеровской кликой и католическими кругами в Германии в ходе войны тоже не ослабляется. Иностранная печать уделяет много внимания тому обстоятельству, что германские епископы — берлинский епископ Прейзинг, вюртембергский епископ Вурм—выступили с энергичной критикой налетов гестапо на монастыри, церкви и религиозные учреждения. Католический епископ Мюнстера в результате своих выпадов был арестован органами гестапо. Известный мюнхенский кардинал Фаульбахер, давнишний враг гитлеровцев, осуждает, как он это делал и до войны, фашистскую пропаганду. Многие немецкие католики слушают, несмотря на строжайшие запреты, радиопередачи Ватикана.

Оппозиция из протестантов вынуждена была в большей своей части эмигрировать. В первые два года войны эта оппозиция ограничивалась вопросами свободы совести. С конца 1941 г. ее деятельность приняла явно политическую окраску. Ее руководители — профессор Барт, Вильгельм Карле, Герберт Фрис — выступают в Лондоне по радио с речами к немецкому народу, в которых они призывают своих единоверцев присоединиться к великому мировому движению за разгром и уничтожение гитлеровской деспотии.

Католические и протестантские круги в Германии связаны самыми многообразными узами с зарубежными католиками и протестантами. Благодаря этим связям население Германии узнает, как велика ненависть к гитлеров-

ской клике во всем мире. Такие же сведения поступают в Германию и по другим каналам. Немецкие оккупанты повсеместно подвергаются общественно-моральному бойкоту со стороны порабощенных народов Европы, их презирают. Жизнь захватчиков каждую минуту в опасности!

От иностранных рабочих и военнопленных, находящихся в Германии, германский народ узнает о чудовищных зверствах немецко-фашистских войск в оккупированных странах. Эти злодеяния вызывают глубокое возмущение всего человечества.

Со своей стороны гитлеровцы не находят ничего иного, как запрещать какое-либо общение между немцами и военнопленными, угрожать за это самым суровым наказанием. В фашистской печати часто публикуются сведения о присуждении лиц, подавших военнопленным папиросы или вступивших с ними в беседу, к тюремному заключению.

Но несмотря на то, что правители Германии пытаются всеми способами отгородить население от окружающего мира, оно все же узнает, что положение европейского тыла для Гитлера безнадежное.

VII. НЕПРОЧНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО ТЫЛА ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА.

Германский фашизм расширил свой тыл захватом ряда европейских стран. Так, непосредственный германский тыл Гитлера был дополнен европейским тылом.

Немецкие фашисты приложили отчаянные усилия к тому, чтобы обеспечить своему режиму в оккупированных ими странах прочный тыл. На воровском языке гитлеровцев оккупационный режим именуется „новым порядком“ в Европе.

Как же обстоит дело с этим „новым порядком“, каково положение с тылом германского фашизма в оккупированных странах?

Так называемый „новый порядок“ в Европе, созданный гитлеровцами, это — режим разнузданного грабежа, колониального угнетения и порабощения европейских стран немецко-фашистскими империалистами. Экономическое содержание „нового порядка“ состоит в систематическом ограблении оккупированных стран, его политическое содержание — в уничтожении государственной самостоятельности оккупированных стран.

Гитлеровцы „управляют“ оккупированными странами

путем жестокого террора, массового убийства и полного порабощения населения. Германские фашисты пытаются обеспечить себе европейский тыл подавлением национально-освободительной борьбы порабощенных народов террористическими методами. Они стремятся создать себе в оккупированных странах опорные позиции путем организации „пятой колонны".

И все же после двух лет и больше оккупационного режима немцам ни в одной европейской стране не удалось создать себе прочную базу. Порабощенные народы Европы полны беспредельной ненависти к чужеземным угнетателям и к купленным ими агентам — изменникам своей родине, поступившим на службу к оккупантам. В захваченных странах неизменно растет сопротивление народных масс гитлеровцам. Все сильнее разгорается пламя национально-освободительной войны. В это стихийное движение быстро втягиваются все угнетаемые германским фашизмом народы. „Борьба порабощенных народов против режима немецко-фашистских разбойников начинает приобретать всеобщий характер" (Сталин).

Взглянем на состояние тыла гитлеровской армии и гитлеровского режима в отдельных оккупированных странах.

В *Чехословакии* германский оккупационный режим длится уже более трех лет. Но ни казни тысяч чешских патриотов, ни различные попытки расколоть чешский народ путем подкупа отдельных групп населения не смогли сломить сопротивления народа оккупантам.

Осенью 1941 г. штатгальтером (наместником) Гитлера в Прагу, столицу Чехии, был назначен гестаповец Гейдрих, приобревший в качестве ближайшего сподвижника Гиммлера славу одного из самых кровавых палачей германского народа. В течение немногих недель Гейдрих казнил свыше пятисот участников национально-освободительного движения в Чехии.

Но палаческий режим Гейдриха оказался неспособным хотя бы сколько-нибудь разрядить напряженное положение в стране. Напротив, саботаж на военных заводах усилился, мосты, как и прежде, взлетают в воздух от взрывов, электростанции разрушаются. В лесах района Кладно горняки стекаются в партизанские отряды для организации актов диверсии и саботажа. Весной 1942 г. сопротивление населения ненавистным оккупантам разрослось; в Брно был обезоружен немецкий гарнизон.

Гейдрих издавал постановление за постановлением в целях усиления террора. Он распустил национальную спортивную организацию чешского народа „Сокол“ и отправил в германские концентрационные лагери 26 тысяч активных членов этой организации. Там они были подвергнуты пыткам и в конце концов замучены до смерти только за то, что они не захотели предать национальные интересы своей родины. Произведенное 27 мая 1942 г. покушение на Гейдриха, как молния, осветило состояние чешского тыла фашистской Германии. Гейдрих умер от полученных ран.

Фашизм ответил на убийство одного из главных воротил своей банды неистовым усилением массового террора. По сообщениям английской печати, было расстреляно 10 тысяч человек. Город Либице был полностью разрушен под предлогом, что жители его содействовали покушению на Гейдриха. Все мужское население было расстреляно.

Фашисты рассчитывают на то, что путем таких кровавых злодеяний они в конце концов сумеют укрепить свой „новый порядок“; но никакие преследования не заставят чешский народ прекратить борьбу за свою независимость до ее победного завершения.

В *Югославии* менее чем за год ее оккупации на огромной территории разрослось широкой волной мощное партизанское движение. Партизанские бои идут в Сербии, Боснии, Далмации, Герцеговине, Хорватии, Черногории. Партизаны пользуются полной поддержкой населения. Партизанские отряды, насчитывающие около 150 тысяч человек, ведут успешные бои с оккупантами и наносят им мощные удары.

Не раз немецко-итальянские оккупанты предпринимали карательные походы против партизан. Неся бесплодные потери, они затем всю силу своей мести направляли на семьи партизан. В январе 1942 г. подобную карательную экспедицию фашисты предприняли против боснийских партизан. Немецкие войска и жандармерия марионеточного правительства Недича вынуждены были спасаться бегством, а партизаны осадили главный город Боснии — Сараево. В январе же сербские партизаны провели ряд успешных боев, в результате которых они захватили богатые трофеи вооружением и боеприпасами, а также сотни пленных немецких солдат и офицеров.

Очень успешно сражаются смелые партизаны в горах Черногории. Они овладели рядом городов. Столица Чер-

ногории Цетинье и город Никшич окружены и осаждаются партизанами уже в течение долгих месяцев. Немецко-итальянские оккупанты несут в Черногории большие потери. Партизаны держат под своим контролем дороги страны, разрушают железнодорожное полотно, взрывают мосты.

В бюллетене находящегося в Лондоне югославского правительства опубликованы сведения о том, что действия югославских партизан заставили немецких, итальянских и венгерских захватчиков увеличить оккупационную армию с 7 до 32 дивизий.

Пример Красной Армии и советских партизан воодушевляет югославских партизан в их отважной борьбе. В результате наступления партизанской армии в 1942 г. была освобождена значительная часть территории Югославии от фашистских оккупантов. Ставленники Гитлера— Недич в Сербии и Павелич в Хорватии — никакой опоры в народных массах не имеют. Господство гитлеровцев и их приспешников в Югославии серьезно подорвано.

Успешные бои, которые югославские партизаны ведут с немецко-итальянско-венгерскими оккупантами, служат залогом того, что они достигнут поставленной перед собой цели — освобождения своего отечества от захватчиков.

В борьбе порабощенных славянских народов против немецких оккупантов активно участвуют *польские патриоты.*

По данным польского правительства, немецкими властями, особенно агентами гестапо, за время оккупации убито 200 тысяч поляков. Число умерших от голода и эпидемий свыше 2 миллионов. Помимо убийств, немецкие фашисты терроризируют польское население массовыми арестами. В тюрьмах и концентрационных лагерях томятся сотни тысяч польских патриотов. Но самый зверский террор не может сломить сопротивления польского народа оккупантам.

В стране действуют и партизаны. По сообщению „Кенигсбергер Цейтунг", в мае 1942 г. в районе Сувалки (Польша) партизаны напали на немецкие казармы. Было убито много немецких солдат. Газета пишет: „Польша снова пришла в движение. Партизаны активно действуют по всей Познани, атакуют немецкие гарнизоны", большая часть которых была отправлена на советско-германский фронт.

Польские патриоты нападают на немецкие поезда. Немецкие газеты опубликовали сообщения о смертных

приговорах против польских железнодорожников, обвинявшихся в соучастии в этих нападениях.

Саботаж и диверсионные акты на заводах не прекращаются. Покушения на чиновников оккупационных властей приняли такой массовый характер, что фашисты издали приказ об обязательном вооружении всех немецких чиновников в Польше. Позднее немцы опубликовали закон о вооружении всех немцев от 16 до 60 лет, живущих в Польше.

В *Болгарии* патриоты ведут решительную борьбу с гитлеровцами: они поджигают фабрики, работающие на Германию, уничтожают направляемые в Германию транспорты с продовольствием и сырьем, дезорганизуют связь и сообщение с Германией. Иностранная печать приводит сведения о крупных пожарах, уничтожающих почти ежедневно склады горючего и других товаров. Акты саботажа учащаются не только в военной промышленности, но и в самой армии, в особенности в частях авиации. Курьезно, что в так называемый экспедиционный корпус для участия в войне против Советского Союза записалось всего 12 человек!

Венгрия относится к странам, именуемым на бумаге „союзными" с Германией, фактически же Венгрия утратила свою самостоятельность и стала вассалом германского фашизма. Гитлеровские разбойники грабят ее. Продовольствие, сырье, боеприпасы и вооружение — все это вывозится в Германию. Гитлер и его венгерские прихвостни насильственно бросили венгерский народ в преступную войну против Советского Союза. В этих условиях в Венгрии учащаются антигерманские выступления. Американская печать сообщила, что в начале 1942 г. венгерские патриоты разрушили десять фабрик, выполнявших военные заказы Германии. Антигерманские демонстрации отнюдь не являются редкостью в Венгрии. Склады с предназначенным для Германии продовольствием расхищаются. В венгерской армии в 1942 г. имели место случаи, когда солдаты отказывались ехать на советско-германский фронт и воевать против Советского Союза. Под давлением возмущения народных масс министр-президент Бардоши ушел со своего поста, — тот Бардоши, который был больше штатгальтером Гитлера, чем главой национального правительства Венгрии.

Такова картина фашистского тыла в странах Юго-восточной Европы.

В Северной и Западной Европе положение немецко-

фашистских захватчиков отнюдь не является более благоприятным.

Сопротивление *норвежского народа* немецким оккупантам навсегда войдет в историю, как один из самых замечательных примеров национально-освободительной борьбы против фашистской тирании. В течение более двух лет гитлеровцы пытаются всеми возможными средствами склонить норвежский народ на свою сторону: льстивыми обещаниями, подкупом, угрозами, массовыми арестами, казнями лучших сынов страны. Они попытались создать „национальную" фашистскую партию и, введя фашиста Квислинга и его банду в правительство, придать жестокому оккупационному режиму характер господства „национального правительства".

Двухлетие „управления" привело к полному банкротству квислинговской клики. Норвежский народ един и непоколебим в борьбе за свою национальную независимость. Он ведет неустанную борьбу против оккупантов и квислинговцев всеми доступными ему средствами — легальными и нелегальными, военными и экономическими; он борется за свою национальную культуру. Правительство Квислинга и жалкая кучка его сообщников презираются всеми в Норвегии. А полное банкротство Квислинга означает провал всего гитлеровского оккупационного режима в Норвегии.

Издаваемая квислинговскими фашистами газета „Бергенс Тиденде" характеризует следующим образом положение в Норвегии: „Всем известно, что в Норвегии происходит сейчас своего рода гражданская война. Отрицать это было бы бессмысленно. В стране оперируют невидимые отряды, орудия которых — саботаж и диверсия. По сути дела это — партизанская война!"

Чрезвычайно характерным для обстановки в Норвегии оказалось то, как норвежский народ реагировал на назначение Квислинга министром-президентом в феврале 1942 г. На вокзалах столицы Норвегии — Осло, с которых в день назначения Квислинга должны были быть отправлены поезда с квислинговцами для торжественной встречи нового „главы государства", произведены были мощные взрывы. Возникли огромные пожары, и движение было приостановлено на длительный срок. В тот же день пожары начались и на ряде судостроительных верфей, фабрик и заводов. Гитлеровцам не удалось арестовать ни одного из организаторов этих антифашистских актов.

В Норвегии немцы сталкиваются с непрекращающимися диверсиями и саботажем, направленными на объекты военно-стратегического значения. Взрываются мосты, поджигаются германские аммуниционные и другие склады, истребляются германские военные посты. На крайнем севере страны оперируют партизанские отряды известного героя норвежского народа — Ларсена. Только за январь — март 1942 г. партизаны истребили свыше 400 германских солдат и офицеров. Особую активность развивают партизаны в районе Киркенес. Они организуют нападения на германские транспорты, следующие из Норвегии в Финляндию, разрушают средства сообщения и связи.

Плечом к плечу с рабочими и крестьянами против гитлеризации страны борется норвежская интеллигенция. Ведь дело идет о защите национальной культуры норвежского народа! Германские фашисты хотят наложить свою лапу на школы, университеты, театры. Они стремятся заставить педагогов воспитывать юношество в „национал-социалистском духе", т. е. сделать школы рассадником расизма. Норвежская интеллигенция в ответ на это единодушно и решительно отклоняет свое участие в пропаганде фашистских теорий. Она восстает против германизации интеллектуальной жизни Норвегии. Тысячи представителей интеллигенции томятся в заключении.

В виде протеста против фашизации школы 10 тысяч норвежских учителей объявили в апреле стачку. Родители выступили с поддержкой учителей. Свыше тысячи педагогов было приговорено к принудительным работам, заключено в концентрационные лагери,— и тем не менее забастовка закончилась успешно—гитлеровцы вынуждены были уступить.

Одновременно и норвежская национальная церковь отказывается от подчинения власти оккупантов. Фашисты лишили поста и подвергли аресту главу норвежской церкви Бергграва. Служители культа отказываются признать новое руководство церкви.

Конфликт между учителями и правительством, между ним и церковью перебрасывается даже на судебные и административные учреждения.

Оккупанты не имеют никаких других средств для борьбы с бурным ростом национально-освободительного движения, кроме массовых арестов и казней норвежских патриотов.

Норвежский народ во всевозможных формах демонстрирует свою солидарность с Красной Армией и с Советским Союзом. Нелегальная печать борющихся за свободу норвежцев печатает сообщения Советского Информбюро; тысячи норвежцев слушают, несмотря на угрозу смертного приговора, московские радиопередачи; население оказывает различные услуги томящимся в норвежских концентрационных лагерях красноармейцам и не раз оказывало им помощь при попытках бегства из плена.

Своей мужественной, полной самопожертвования борьбой против оккупантов норвежский народ делает немало для приближения неминуемой катастрофы гитлеровского режима.

Так же и в *Голландии* и в *Бельгии* идет не прекращающаяся борьба с германскими оккупантами. Народы Голландии и Бельгии, в прошлом всегда мужественно защищавшие в упорной борьбе свою свободу и независимость, остались верными своим национальным традициям. Гитлеровская клика оказалась неспособной подорвать сплоченность голландского и бельгийского народа, как ей не удалось разорвать единого фронта борьбы норвежского народа против оккупантов и квислинговцев. Голландские квислинговцы,— так называемое движение Муссерта,— и бельгийские фашисты — рексисты — представляют собой жалкую кучку авантюристов и продажных агентов германских фашистов. Их влияние в стране равно нулю. Оккупанты оказались вынужденными отказаться от своих попыток замаскирования оккупационного режима ширмой „национальных правительств". В настоящее время оруженосец бельгийских фашистов Дегрэ так себя скомпрометировал, что гитлеровцы угнали его в качестве „добровольца" на советско-германский фронт.

Германские власти стоят перед лицом растущего массового национального движения, выражающегося в широко распространенном саботаже, в подпольной антигерманской пропаганде, в расширении конспиративных организаций, в общенародном бойкоте оккупантов, в покушениях на германских офицеров и постовых.

В Голландии оккупанты казнили в мае 1942 г. 100 человек, среди них много офицеров разоруженной голландской армии. 400 патриотов было арестовано в качестве заложников, 2000 человек подвергнуты „обыкновенному" аресту. Германские власти прибегают к террору в таких масштабах для того, чтобы внушить населению страх и воспрепятствовать росту и усилению единого анти-

фашистского народного фронта. А вместе с тем положение оккупантов с каждым днем становится труднее.

Ограбление страны, насильственная отправка рабочих на германские предприятия, массовые аресты и казни голландских патриотов — все это вызывает беспредельную ненависть народа к оккупантам. Как и во Франции и в Бельгии, германский офицер и германский солдат в Голландии не может быть спокоен за свою жизнь. Немцы живут там фактически как во враждебном лагере.

О положении в Бельгии представление дают следующие факты, сообщенные в шведской газете „Ню Даг". За первые три месяца 1941 г. в Бельгии произошло 125 случаев крушения поездов, перевозящих войска и грузы для оккупационных войск, а также имели место 405 случаев повреждения телеграфных и телефонных проводов. Один завод был закрыт, так как машины оказались выведенными из строя. Угольная промышленность в результате саботажа сократила добычу угля на 40%. Металлургическая промышленность работает только на 40% своей нормальной мощности. Лишь в одном предприятии рабочие привели в негодность 1,5 миллиона патронов.

В конце апреля военный суд вынес шести рабочим смертный приговор за принадлежность к нелегальной организации „Белая бригада", преследовавшей цели организованного саботажа. В ответ на это в начале мая последовал поджог ряда крупных железолитейных заводов. Химический завод в Тессендерло взлетел от взрыва в воздух: он работал на германскую армию.

Повсеместно в Бельгии на стенах зданий, на плитах тротуаров, в трамваях можно видеть изображение буквы „В" (начальной буквы французского слова „виктуар", что означает победа)— символа победы антифашистской коалиции. В Бельгии регулярно выходит пять нелегальных газет, принадлежащих организациям единого фронта против оккупантов. Коммунистическая партия Бельгии издает регулярно одну газету на французском, одну — на фламандском языке. Тираж этих органов достигает 75 тысяч.

Среди оккупированных стран для германского фашизма наибольшую роль как в экономическом и политическом, так и военном отношении играет *Франция.* Трудно переоценить значение для германской армии обеспеченного тыла во Франции. А вместе с тем нельзя грабить такую высококультурную страну, как Франция, ввергать ее население в ужасы нищеты и голода, подвергать ее

варварскому режиму террора и одновременно рассчитывать на прочный тыл.

Германские оккупанты разрушают экономику Франции. Они выкачивают из страны 400 миллионов франков в день под предлогом покрытия расходов на оккупационную армию во Франции; фактически же эти расходы оцениваются в 125 миллионов. На оставшуюся сумму в 275 миллионов в день немецкие оккупанты могут скупать французские промышленные предприятия, запасы товаров, произведения искусства и др. Контрибуция, которую таким путем Германия выкачивает из Франции в течение только одного года, вдвое превышает сумму, которую Германия обязана была уплатить за период с 1918 по 1932 г. по Версальскому договору.

Гитлеровские банды хозяйничают в оккупированной Франции с населением около 25 миллионов человек. На неоккупированной территории с населением в 14 миллионов фашисты посадили в качестве министра-президента Лаваля, правительство которого есть не что иное, как агентура Гитлера.

Гитлеровская клика надеется подчинить себе население Франции лишениями, голодом, ликвидацией демократических прав, преследованием французских патриотов. Но получилось иначе. Французский народ не намерен гибнуть. Он отвергает рабство под игом германских оккупантов.

Германские фашисты нашли, правда, во Франции ряд реакционных, враждебных народу представителей крупного капитала, продажных политиканов и фашистских авантюристов, изъявивших готовность пойти на службу к оккупантам. Французский же народ в своей массе продолжает вести непримиримую борьбу с оккупантами и их агентами, с изменниками родине. Ряд патриотических организаций неутомимо работает над собиранием и подготовкой сил для приближающихся решающих боев за свободу и независимость Франции. Жестокие преследования передовых бойцов со стороны поработителей делают еще более сплоченным единый фронт французского народа.

Английская печать опубликовала воззвание „Национального фронта независимости Франции", принятое на одном нелегальном совещании на оккупированной территории Франции. В этом воззвании говорится: „Все французы, достойные этого имени, должны быть на стороне СССР, Англии и всех врагов гитлеризма. Таков ответ 40 миллионов французов, стремящихся сбросить с себя фашистское иго.

Организационный комитет „Национального фронта независимости Франции“ не признает за бесчестным правительством Виши права говорить от имени страны. Ни один француз не должен повиноваться этой клике, которая только и делает, что передает французскому народу приказы из Берлина.

Организационный комитет заявляет, что французский народ не может ограничиться выжиданием того момента, когда наша страна, в результате побед России и Англии, будет освобождена. Правда, эти победы обеспечат нашу свободу, но все французы обязаны работать так, чтобы ускорить час этих побед в интересах Франции.

Мы призываем всех французов и француженок сообща и всеми средствами действовать в следующих направлениях:

1) препятствовать использованию ресурсов Франции для поддержки военной машины гитлеровцев;

2) препятствовать работе французских предприятий на Гитлера; поддерживать выступления рабочих, которые защищают свой хлеб и хлеб своих детей, служат делу Франции;

3) препятствовать перевозке по нашим железным дорогам в Германию наших национальных богатств и продукции нашей промышленности;

4) организовать сопротивление крестьян реквизиции сельскохозяйственной продукции поработителями нашей страны;

5) организовать сопротивление репрессивным мерам Гитлера — Виши, ибо деятельность Национального фронта должна быть поддержана каждым, будь то атеист или верующий, радикал или коммунист;

6) распространять материалы, воззвания и документы Национального фронта, систематически разоблачающие ложь врага;

7) популяризировать и стимулировать перед лицом захватчика и его шакалов патриотический дух и волю к отвоеванию свободы Франции.

Французские патриоты, поднимайтесь на борьбу!“

Факты свидетельствуют о том, что французские патриоты следуют в своей работе основным установкам, данным в этом воззвании. Саботаж на французских предприятиях носит массовый характер. То же относится и к диверсиям, имеющим своим последствием крушение поездов с германскими войсками и военными материалами. Согласно статистическим подсчетам, сделанным на конец

апреля, только за первые четыре месяца 1942 г. уничтожено 18 тысяч грузовых автомашин с боеприпасами. В Париже опубликовано объявление германских военных властей, из которого видно, что имеют место многочисленные крушения поездов и что на германских военнослужащих производятся покушения. Парижская радиостанция, через которую фашисты распространяют свои лживые радиопередачи, прекратила их с 9 по 12 мая вследствии произведенного диверсионного акта — уничтожения путем взрыва антенны. Ответом на назначение Лаваля, воспринимаемое французским народом как провокáция, будет, несомненно, усиление саботажа и диверсий, а также прочих враждебных актов против оккупантов.

Звериный террор германских захватчиков против освободительного движения французов является симптомом того, что почва под ногами фашистов горит. В частности, огромное негодование вызывает массовый расстрел заложников, при помощи которого гитлеровцы расправляются за убийства германских офицеров и солдат с совершенно непричастными к этому делу людьми. За один лишь сентябрь было казнено более 200 заложников. В Париже еженедельно подвергается аресту около 500 человек. Согласно американским сообщениям, в тюрьмах Франции находится 400 тысяч французских патриотов, арестованных гестапо и полицией Лаваля за активную борьбу против оккупантов.

Английский рейд в Сан-Назер в апреле 1942 г. вызвал открытую демонстрацию симпатий к англичанам со стороны французского населения. Это дало оккупантам основание организовать кровавую баню среди населения. Было истреблено свыше 500 человек. Эпизод в Сан-Назере рассматривается во Франции как показатель того, чего немцам следует ждать после того, как в Западной Европе возникнет подлинный второй фронт. Нет никаких сомнений, что французский народ жестоко отомстит своим угнетателям и расправится с ними.

В докладе, посвященном 25-летию Великой Октябрьской Социалистической революции, товарищ Сталин говорил о европейском тыле фашистской коалиции: „Программа действия итало-германской коалиции привела к тому, что все оккупированные страны Европы—Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Франция, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, оккупированные области СССР—пылают ненавистью к итало-германской тирании, вредят немцам и их союзникам, как только могут, и ждут удобного

момента для того, чтобы отомстить своим поработителям за те унижения и насилия, которые они переносят.

В связи с этим одна из характерных черт современного момента состоит в том, что прогрессивно растет изоляция итало-германской коалиции и иссякание ее морально-политических резервов в Европе, растет ее ослабление и разложение".

Состояние европейского тыла германского фашизма — это один из факторов, создающих возможность для осуществления задачи, поставленной в докладе товарища Сталина: „Разрушить ненавистный „новый" порядок в Европе" и покарать его строителей".

* * *

Внутренняя слабость фашистской Германии, непрочность германского и европейского тыла германского фашизма являются факторами, имеющими большое влияние на конечный итог войны.

Тот факт, что гитлеровцам, несмотря на их отчаянные попытки, не удалось и не удается создать себе прочного тыла в Германии и в Европе, является фактором, облегчающим возможность победы антигитлеровской коалиции. Поэтому антифашисты всего мира уделяют так много внимания изучению внутреннего положения фашистской Германии и ее союзников.

Факты, свидетельствующие о внутренней слабости фашистской Германии, приводят к развенчанию распространенного фашистами мифа о том, что у гитлеровцев есть прочный, непоколебимый тыл и что этот тыл является неисчерпаемым источником снабжения немецко-фашистской армии материальными и людскими ресурсами.

Опровержение этой легенды служит орудием против переоценки военно-политической мощи гитлеровцев и способствует укреплению в наших рядах убеждения о возможности и необходимости поражения фашистов.

Однако для правильного определения роли внутреннего положения Германии в нынешней войне надо ее оценить, во-первых, в связи с совокупностью *всех* факторов, имеющих влияние на ход войны, и, во-вторых, надо ее понимать без упрощенства, учитывая особенности разных этапов войны.

Внутренняя слабость фашистской Германии еще не означает разложения германского тыла и германской армии. Солдаты-автоматы германской армии еще слепо под-

чиняются приказам Гитлера. Было бы глупо и преступно рассчитывать хотя бы в малейшей мере на то, что военная опасность, грозящая со стороны германского фашизма, по мере ухудшения его внутреннего положения будет автоматически ослабляться. Как раз наоборот — внутренняя слабость, неустойчивость, непрочность тыла германского фашизма заставляют его добиваться любой ценой временных военных успехов.

Опыт войны показал, что между состоянием тыла и армии безусловно существует связь, но *непосредственное* влияние на тыл в первую очередь оказывает поражение фашистской армии. Только в дальнейшем развитии всех совокупных процессов войны чувствуется и влияние внутреннего положения на армию.

В первой мировой войне разлагающее влияние внутреннего положения на фронт проявилось только на четвертом году войны. И в нынешней войне внутренняя слабость Германии в 1941 — 1942 гг. еще не оказала значительного влияния на состояние германского фронта. В 1941—1942 гг. появились только первые элементы разложения в тылу германского фашизма.

Несомненно, что дальнейшее развитие экономических, политических и военных процессов ведет к разложению немецкого тыла со всеми огромными последствиями такого хода развития.

Победа Красной Армии под Москвой и ее серьезные успехи на других фронтах зимой 1941—1942 г. имели своим последствием серьезное ухудшение внутреннего положения фашистской Германии. Не менее серьезно отражаются на „внутреннем фронте" Германии последствия героической защиты Сталинграда,— провал стратегического плана немецко-фашистской армии, состоящего в окружении Москвы и окончании войны в 1942 г.

В провале расчетов преступной гитлеровской банды непрочность германского и европейского тыла будет играть все более значительную роль.

Освещая задачи советского народа в борьбе против коричневой чумы фашизма, товарищ Сталин в своем историческом докладе 6 ноября 1942 г. выдвинул лозунг:

„Проклятие и смерть немецко-фашистским захватчикам, их государству, их армии, их „новому порядку в Европе"!".

Этот лозунг воодушевляет бойцов героической Красной Армии, народы СССР и свободолюбивые народы всего мира.

Значение непрочности тыла германского фашизма и германо-итальянской коалиции в целом состоит в том, что она является одной из предпосылок для осуществления задач, поставленных в докладе товарища Сталина и прокладывающих путь к победе для всего прогрессивного человечества.

Акад. Наук СССР
Отд. Особ. Фонд

1 р. 30 к.

5552

Ак Р

5944

52-53 г.

11/13